

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

VII

Издательство Академии Наук СССР
Москва · 1939 · Ленинград

А. П. БАРАННИКОВ

Проблема прозаического хинди

Для обозначения *कोचि*, общего языка современной Индии, на котором говорят свыше 200 миллионов населения этой страны, в лингвистической литературе и в широких кругах Индии употребляется три термина: урду, хинди и хиндустани.

В своем более узком значении термин урду (اردو) употребляется для обозначения литературного языка мусульман. Так как этот язык представляет собою литературную надстройку над индийским *कोचि* — общеиндийским разговорным языком, то индийские мусульмане называют и эту последнюю идиому также урду. Благодаря им этот термин получил свое более широкое значение.

Но урду не является единственной литературной надстройкой на базе разговорного *कोचि*: на нем основан также хинди (हिंदी), литературный язык индуистов, индусов, и на этом основании индусы обозначают индийскую *lingua franca* термином хинди, тем более, что этот термин, имеющий значение «индийский язык», весьма подходит, по их мнению, для обозначения общего языка Индии, возвышающегося над местными провинциальными языками Индии, каковыми являются бенгальский, маратский, панджабский, гуджаратский, урья, ассамский и др.

Каждая из названных литературных форм может быть весьма близкой к разговорному языку, и этим в известной мере оправдывается факт обозначения одним и тем же термином как литературной формы языка, так и разговорной идиомы. Литературный урду и литературный хинди, близкие к разговорному *कोचि* Индии, на котором основаны оба эти языка, весьма близки друг к другу и отличаются друг от друга лишь некоторыми элементами словаря.

Однако как урду, так и хинди, редко проявляются в формах, близких к разговорному индийскому *कोचि*. В силу высокого удельного веса феодальных элементов вообще и религиозных элементов в частности во всех

областях общественной жизни Индии, оба названных литературных языка обычно выступают в формах, в сильной мере оснащенных элементами литературных языков феодальной Индии, т. е. соответственно санскрита и персидского языка.

Оснащенность литературного хинди элементами, заимствованными из санскрита, может быть настолько сильной, что в некоторых произведениях как в области поэзии, так и в области прозы, элементами современного хинди являются только формы связки — है hai 'есть', था thā 'был' и т. д.

С другой стороны, некоторые произведения на литературном урду в такой мере насыщены элементами персидского языка, что путем простой замены индийской связки ہے hai персидской связкой است эти произведения переводятся из области литературы урду в область персидской литературы. Таковы некоторые газели крупнейшего поэта литературы урду XIX в. — Галиба.

Таким образом как литературный хинди, так и литературный урду часто весьма сильно отдаляются от общеиндийского कोऽन्धी , причем хинди практически иногда совпадает с санскритом, а урду — с персидским языком.

В силу этого делаются попытки, пока не имеющие большого практического значения, создать литературный язык, близкий к разговорному. Как этот литературный язык, близкий к общеиндийскому कोऽन्धी , так и само это कोऽन्धी получили название хиндустани, т. е. «индийский язык».

Таким образом общеиндийское कोऽन्धी обозначается тремя терминами — урду, хинди, хиндустани. Этими же терминами обозначаются соответственно: а) литературный язык мусульман, в) литературный язык индусов (индуистов) и с) литературный язык, свободный, по крайней мере в идее свободный от узко конфессиональных рамок, в которые втиснуты оба вышеназванных литературных языка.

Хиндустани, как литературный язык, проникает в литературное употребление лишь в конце XIX в., и до настоящего времени на нем не успела развиться литература, которая могла бы иметь сколько-нибудь заметное влияние на общественную жизнь Индии. На ряду с этим, однако, как литературный хинди, так и литературный урду у многих авторов, особенно у авторов, принадлежащих к левому крылу индийской буржуазии, в весьма заметной степени приближается к разговорному языку, т. е. к хиндустани.

Литературный язык мусульман имеет весьма длительную историю. Впервые он появляется в литературе в XIII в. Его употребление в литературе упрочилось в XV—XVII вв. культивированием литературного урду

на Декане. С XVIII в. он входит в широкое литературное употребление на севере Индии и в настоящее время является межнациональным литературным языком всех индийских мусульман.

Литературный урду не является однообразным в течение всего длительного периода своей истории. Его южная, деканская форма, которая получила специальное название да к х н и (دکھنی), в весьма заметной степени отличается от северной формы рядом особенностей. Однако эти различия относятся преимущественно к области лексики, выражаются в сохранении значительного числа архаизмов и привнесении незначительных диалектических вариаций, которые частично употребляются позднее и на севере. Таким образом особенности дакхни, отличающие его от северного урду, не выходят за рамки обычных в истории феодальных литературных языков отклонений, объясняющихся локальными влияниями. В своих основных чертах урду на всем протяжении своей истории представляется единым.

Вплоть до начала XIX в. урду употребляется исключительно в поэзии, так как в области прозы в течение нескольких веков индийские мусульмане пользовались персидским языком, который был государственным языком могольской империи и утратил свое значение лишь после крушения этой империи.

В самом начале XIX в. индо-мусульманские авторы под руководством Гилькриста (Gilchrist), директора College of Fort William, создают прозаический урду, и с этого времени на урду развиваются, помимо богатейшей поэтической традиции, также и обширная художественная прозаическая литература, публицистика и т. д.

Третий из названных литературных языков — хинди — имеет наиболее длительную и наиболее оригинальную историю. По свидетельству индийских историков литературы, начало литературной традиции на хинди относится к VIII в. н. э., и его употребление в литературе небрахманских каст идет параллельно с употреблением санскрита брахманами. От древних авторов литературы хинди дошли до нас лишь незначительные фрагменты, и непрерывная литературная традиция на этом языке идет лишь с XII в., к каковому времени относится грандиозная эпопея Чанда Бардаи «Притхви Радж Расо».

Характерной особенностью литературы хинди является то, что она развивается на ряде диалектов, часто весьма сильно отличающихся друг от друга. Эти отличия выходят за рамки различий, естественных в историческом развитии языка, либо незначительных локальных вариаций, свойственных авторам, выходцам из различных провинций. Литературные диа-

лекты, обнимаемые понятием литературного хинди, восходят к разной локальной диалектической подоснове.

Все формы литературных диалектов, употребляемые на протяжении длительной истории литературы хинди вплоть до начала XIX в., можно разбить на три типа.

1. Западные диалекты, на которых с древнейших времен создавались эпические поэмы. Этот тип диалектов, отличающихся один от другого рядом мелких особенностей, можно назвать эпическим диалектом или, точнее, группой эпических диалектов хинди.

2. Браджд (ब्रज) — лирический язык, или, точнее, группа лирических диалектов, в основе которых лежит диалект дистриктов Матхуры, Агры и т. д. Эти близкие друг другу диалекты, локально связанные с теми местами, которые почитаются ареной деятельности мифического героя-пастуха Кришны, выступают в лирике, посвященной воспеванию подвигов этого героя. Исключительное для поэтической литературы хинди значение мифа о Кришне привело к тому, что диалект браджд перестал сознаваться как чисто локальный диалект и получил значение лирического диалекта вообще. В силу этого почти вся лирика на хинди вплоть до конца XIX в., а частично и в настоящее время, пользуется диалектом браджд.

3. Диалект авадхи (अवधी), локально и типологически являющийся одним из диалектов восточного хинди, весьма сильно отличающийся от ранее названных литературных диалектов, принадлежащих западному хинди. Этот диалект, впервые введенный в литературное обращение поэтом XVI в. Джаяси в его поэме «Падмават», упрочил свое существование в литературе благодаря деятельности крупнейшего поэта не только литературы хинди, но и всех индийских литератур вообще, Тульси Даса. Все важнейшие поэтические произведения Тульси Даса, написанные на литературном авадхи, посвящены другому мифическому герою Индии — Раме. Важнейшее из произведений Тульси Даса — его Рамачаритаманаса или Рамаяна. В силу этого все эпические, а отчасти и лирико-нравоучительные произведения литературы хинди после Тульси Даса пишутся на авадхи.

Таким образом вплоть до начала XIX в. в литературе хинди употреблялось три поэтических диалекта, которые, утратив свой локальный характер, сделались средствами выражения разного типа идей и впоследствии стали своеобразными стилистическими средствами.

За самыми редчайшими исключениями, на всех этих диалектах создается только поэзия. Проза в литературе хинди до начала XIX в. практически не существовала.

Только в начале XIX в. под руководством того же Дж. Гилькреста ученые индусы создают первые произведения на прозаическом хинди. В этих произведениях весьма четко выступают те трудности, с которыми приходилось бороться их авторам в деле преодоления поэтической традиции на языке хинди. Эти трудности состояли не только в преодолении воспитанной веками тенденции к стиху, к ритму, но и в преодолении старых литературных диалектов, так как прозаический хинди создается на новом для предшествующей литературной традиции, четвертом диалекте, который получил название *kharī bolī*. Этот диалект является литературным оформлением разговорного *khari* Индии — хиндустани.

Таким образом на основе одного и того же разговорного языка в начале XIX в. были созданы две прозаические литературные формы языка — литературный урду, который в отношении характера диалекта, лежащего в его основе, продолжает давние традиции поэтического урду, и литературный хинди, который по своей диалектической основе является принципиально новым для литературы хинди, ее четвертым литературным диалектом.

Этот вновь созданный литературный диалект принципиально отличается от диалектов, ранее употреблявшихся в литературе хинди, своей живой связью с разговорным языком. В этом его сила. Он в короткое время встречает всеобщее признание и развивает огромную экспансию. В течение XIX в. на нем развивается прозаическая художественная, публицистическая и научная литература, с начала XX в. (частично и раньше) на нем начинает развиваться и поэзия, оттесняя на задний план все ранее существовавшие литературные диалекты хинди.

С развитием свараджитского движения в Индии эта форма хинди, называемая просто хинди (हिंदी), т. е. язык Индии, провозглашается национальным языком, точнее, межнациональным языком Индии (सार्वदेशिक भाषा, राष्ट्रीय भाषा), который, по идее конгресса, должен сделаться и общегосударственным языком Индии, вытеснив из центральных правительственных органов английский язык. Уже и в настоящее время литературный хинди всемерно пропагандируется и изучается не только в северной, но и в южной Индии, и в ряде газет на различных национальных языках (бенгальском, маратском и т. д.) появляются статьи на хинди.¹

Такое исключительное значение языка хинди для всей страны вызывает естественный интерес к его истории, в частности к вопросу о его

¹ В качестве иллюстрации можно указать на маратскую газету *Kesarī* (केसरी), выходящую в Пуне.

возникновении. Целый ряд положений, относящихся к этому моменту его истории, подвергается пересмотру, тем более что некоторые из этих положений весьма устарели и носят явно тенденциозный характер.

В английской лингвистической литературе до недавнего времени был широко распространен взгляд, что современный прозаический хинди или кхари боли (खड़ी बोली) или, как его называют англичане, High Hindi был изобретен англичанами.

Эта точка зрения одно время поддерживалась также и таким высокоавторитетным ученым, каким является Г. А. Грирсон, крупнейший специалист по вопросам индологии нашего времени. Так, в предисловии к своему труду по истории литературы хинди он говорит:¹ «The first half of the XIX-th century... was the period of the birth of the Hindi language, invented by English, and first used as a vehicle of literary prose composition in 1803, under Gilchrist's tuition, by Lallu Ji Lal, the author of the Prem Sagar».

Факт изобретения англичанами в течение очень короткого времени литературного языка сам по себе вызывает некоторое сомнение. Уже а priori представляется мало вероятным, чтобы можно было легко изобрести литературный язык для страны с многомиллионным населением, особенно же имея в виду страну с давней культурой и весьма длительной литературной традицией. Это сомнение особенно возрастает в виду того, что, во-первых, в начале XIX в. европейцы только приступили к планомерному изучению индийских языков, во-вторых, этот якобы новоизобретенный англичанами язык очень быстро нашел всеобщее признание и сделался орудием литературного общения для многомиллионных масс населения Индии.

В другом месте названного труда Г. А. Грирсон объясняет, в каком смысле должно понимать употребляемый им термин «изобретение» (invention).² Он говорит: «In 1803, under Gilchrist's tuition Lallu Ji Lal wrote the Prem Sagar in the mixed Urdu language... with this peculiarity that he used only nouns and particles of Indian, instead of those of Arabic or Persian, origin. The result was practically a newly invented speech; for though the grammar was the same as that of the prototype; the vocabulary was entirely changed. This new language, called by Europeans Hindi, has been adopted all over Hindustan as the lingua franca of Hindus, for

¹ G. A. Grierson. The modern vernacular literature of Hindustan, Calcutta, 1889, Introduction, p. XXII (разрядка наша. А. Б.).

² Op. cit., ch. X, p. 107.

a want existed which it fulfilled. It has become the recognized medium of literary prose throughout Northern India».

Дальнейшие исследования в области истории индийских языков, исследования, в которых столь большое участие принимал сам Г. А. Грирсон, показали, что история хинди и урду значительно сложнее, чем это предполагалось даже в конце прошлого столетия. В соответствии с результатами, добытыми этими исследованиями, Г. А. Грирсон в значительной мере изменяет свой взгляд на образование современного хинди.

В своей статье «Indo-Aryan Vernaculars» Г. А. Грирсон говорит:¹ «The present form of literary Hindi or High Hindi is a reversion to the type of the non-Persianized vernacular of the Upper Doab, brought into the use by the teachers at the College of Fort William in Calcutta in the early years of the nineteenth century. It was desired to create a Hindustani for the use of Hindus, and this was recreated by taking Urdu, the only form then known, as the basis... Owing to the popularity of the Prem Sagar of Lallu Ji Lal, one of the first books written in this newly devised speech and also owing to its supplying the need for a lingua franca which could be used by the strictest Hindus... it has become the recognized medium of literary prose throughout Northern India».

Несмотря на весьма заметное изменение во взглядах Г. А. Грирсона на образование современного литературного хинди, кхари боли, целый ряд европейских авторов повторяет его старую мысль об изобретении нового языка англичанами. Особенно широко распространена эта точка зрения среди индологов, стоящих далеко от проблем новоиндийской филологии.

Однако после выхода в свет вышеупомянутой статьи Г. А. Грирсона обычно говорится об изобретении литературного хинди не самими англичанами, а преподавателями колледжа в Форте Вильяма (современная Калькутта), действовавшими под руководством англичан. Так, в *Encyclopaedia Britannica* мы читаем: «The Hindi form of Hindustani was invented simultaneously with Urdu prose by the teachers of Fort William...» etc.

Эта европейская точка зрения до последнего времени пользовалась широким признанием и в Индии не только среди мусульман, но и среди индусов, большая часть которых была подавлена авторитетом европейских ученых.

Для иллюстрации можно привести взгляд на этот вопрос братьев Мишра (मिश्र), высказанный ими в их истории литературы хинди

¹ G. A. Grierson. Indo-Aryan vernaculars. Bulletin of the School of Oriental Studies, 1918, v. 2, p. II, p. 52.

«मिश्रबंधुविनोद»,¹ которая является одной из важнейших справочных книг по истории литературы хинди.

Братья Мишра говорят: «वर्तमान गद्य के जन्मदाता सद्गुरु मिश्र और लछू जी लाल माने जाते हैं», т. е. «Основоположниками (точнее „родителями“) современной прозы почитаются Садал Мишра и Лаллу джи Лал». Братья Мишра, конечно, ни в коей мере не являются авторитетами в области лингвистических проблем, но мы приводим их мнение потому, что в этих словах отражается мнение, широко распространенное в самой Индии.

В настоящее время в области научной мысли весьма заметно стремление освободиться от господствующего авторитета европейских ученых и дать свою индийскую трактовку исторических проблем, взамен европейских взглядов, часто принимавшихся на веру.

После войны, с обострением экономических, политических, национальных и конфессиональных противоречий, старое понимание возникновения современного литературного хинди было подвергнуто пересмотру со стороны ученых индусов.

Должно сказать, что эта критика не была бесплодной, так как благодаря ей удалось выяснить ряд исторических фактов, ранее неизвестных науке.

Вместе с тем, однако, необходимо признать, что эта критика велась и ведется в форме, весьма далекой от объективного рассмотрения исторических фактов. Весьма часто целый ряд положений высказывается не на основании тщательного изучения исторических фактов, а только на основании личных впечатлений и эмоций, вызванных подогретым национальным или конфессиональным самолюбием.

Вопрос о возникновении современного литературного хинди невозможно рассмотреть в пределах небольшой статьи в его полном объеме, и потому я остановлюсь здесь только на главнейших высказываниях Бабу Шьям Сундар Даса (बाबू श्यामसुंदर दास), одного из крупнейших знатоков хинди, главного редактора большого толкового словаря хинди, हिंदी शब्दसागर, изданного Бенаресским обществом «Нагари Праचारива Сабха» (नागरी प्रचारिणी सभा), автора первого на хинди курса по общему языкознанию (भाषाविज्ञान) и ряда других важных научных работ, а также на взглядах сотрудника Шьям Сундар Даса по названному словарю Рама-

¹ मिश्रबंधुविनोद अथवा हिंदी साहित्य का इतिहास तथा कवि कीर्तन. द्वितीय वार, द्वितीय भाग, लखनऊ, सं० १६८३, pp. 852.

чандра Шукла (रामचंद्र शुक्ल), выраженных им в кратком очерке по истории литературы хинди, приложенном к вышеназванному словарю, и на взглядах Шри Джаганнатха Прасад Шарма (श्रीजगन्नाथप्रसाद शर्मा), автора очерка о развитии прозы хинди. По вопросу о возникновении современного литературного хинди все три упомянутых автора вполне согласны между собой и все они отражают точку зрения, господствующую в настоящее время среди ученых индусов.

Главнейшие возражения этих ученых по этому вопросу сводятся к следующему.

В истории развития языка хинди ни проза, ни диалект khaṛī bolī (खड़ी बोली), на котором основан современный прозаический литературный язык, не представляются явлениями новыми. Проза на хинди существовала и до начала XIX в. Что касается диалекта khaṛī bolī, то он имеет весьма давнюю историю и известен в литературе уже с XIII в. Khaṛī bolī создан не мусульманами, как это утверждают индо-мусульманские ученые, а за ними и значительная часть европейцев, а представляет собою разговорный язык образованных индусов — купцов, ученых, проповедников и т. д. Мусульманам принадлежит только заслуга широкого распространения этого языка. Основанный на нем литературный язык мусульман, урду, является диалектом хинди. Урду есть чисто искусственный язык, и потому не может считаться основой литературного хинди. Честь «изобретения» или, точнее, введения в широкое литературное употребление прозаического хинди принадлежит не только Лаллу джи Лалу и Садал Мишре, но в значительно большей мере авторам, работавшим совершенно независимо от них, причем язык этих последних авторов значительно лучше, чем язык Лаллу джи Лала, и потому этот последний не может считаться основоположником современного прозаического литературного языка.

Вышеназванные ученые индусы, равно как и целый ряд ученых, писавших до них и после них, указывают, что проза на хинди, ведущая непрерывную традицию с начала XIX в., не есть явление абсолютно новое в литературе хинди. Правда, памятники на литературных диалектах брадж (ब्रज) и авадхи (अवधी) в своей подавляющей массе написаны стихами, но на ряду с этим известны памятники, написанные прозой. Так, Шри Джаганнатх Прасад Шарма вслед за историками литературы хинди указывает,¹

¹ श्री जगन्नाथ प्रसाद शर्मा. हिंदी की गद्य शैली का विकास. नागरीप्रचारिणी पत्रिका, नवीन संस्करण भाग ११ — अंक २, संवत् १९८७, pp. 187.

что одно из произведений, приписываемых Горакхнатху (गोरखनाथ), автору XIV в., хотя и написанное, повидимому, одним из его последователей, представляет наиболее ранний образец прозы на брадже. На этом же прозаическом языке написаны в XVI в. варты (वार्ता) Viṭṭhālānāth's (विठ्ठलनाथ), а также комментарии некоторых из его последователей.¹ Однако сам Джаяганнатх Прасад Шарма указывает, что эта проза на брадже не развивалась далее. Проза немногих комментаторов, последователей Виттхальнатха, настолько бесформенна и беспомощна, что скорее затемняет смысл оригинала, чем объясняет его. Неопределенность и бесформенность этой прозы были одной из причин того, что традиция прозы на брадже скоро заглохла и впоследствии не возобновлялась.

Еще менее удачной явилась попытка создать прозу на *kharī bolī*, т. е. на том диалекте, на основе которого впоследствии в XIX в. получил свое развитие современный литературный хинди. Поэт Ганг (गंग), состоявший при дворе императора Акбара, написал небольшой рассказ на прозаическом *kharī bolī*. Эта попытка Ганга не была поддержана последующими авторами и осталась единичным явлением.

По этой причине Шьям Сундар Дас совершенно правильно замечает,² что существование прозы на *kharī bolī* до XIX в. было лишь номинальным (नाम मात्र).

Причины неудачи этих ранних попыток создать прозаический язык на брадже и кхари были совершенно понятны: многочисленные авторы литературы хинди этого периода принадлежали почти исключительно к высшим кастам. Брахманы, ранее державшиеся в стороне от культивирования в литературе новоиндийских языков, в том числе и хинди, увидели в нем могучее орудие пропаганды и, начиная с XVI в., массами приходят в литературу хинди. Однако они пишут только стихами, так как прозаическим языком их был санскрит. Для брахманов, таким образом, не было нужды создавать другой прозаический язык, который в то время не мог обладать такой стандартной формой, какой обладал санскрит, и который, с другой стороны, не обладал возможностями столь широкого распространения, как санскрит в XVI—XVIII вв.

Таким образом по вопросу о прозе сами индусские ученые, по крайней мере наиболее авторитетные из них, приходят к заключению, что ранние

¹ См. F. E. Keay. A history of Hindi literature, pp. 30, 100 etc.

² श्यामसुंदरदास. आधुनिक हिंदी गद्य शैली का आदि आचार्य, नागरी प्रचारिणी पत्रिका, नवीन संस्करण, भाग ६ — अंक १, संवत् १६८१, p. 13.

единичные спорадические попытки писать на хинди прозой, интересные сами по себе и с точки зрения истории этого литературного языка, не имели практического значения и ни в коей мере не могли влиять на последующее оформление принципиально нового для литературы хинди литературного языка, построенного к тому же на основе диалекта, который в предшествующей литературе хинди употреблялся, как будет сказано ниже, в ничтожных размерах в качестве своеобразного стилистического приема.

Значительно сложнее обстоит дело с вопросом о диалекте *kharī bolī*.

Индусские пандиты заявляют, что с вопросом о его развитии связано много заблуждений и что история его представляется обычно совершенно неправильно. Шьям Сундар Дас многократно заявляет, напр., в своем курсе общего языкознания:¹ इसकी व्युत्पत्ति के विषय में जो बहुत से विचार फैल रहे हैं वे भ्रमात्मक हैं, т. е.: «Весьма многие мысли о его происхождении, которые пользуются широким распространением, основаны на заблуждении». Это мнение разделяет и целый ряд других ученых.

Эту же мысль Шьям Сундар Дас повторяет в ряде своих других работ, в частности в очерке по истории языка, приложенном к большому словарю хинди «हिंदी शब्दसागर».² За ним следует также ряд других ученых, напр. Рамачандра Шукла в своем очерке по истории литературы хинди, приложенном к названному словарю.

Следует признать, что в вопросе о *kharī bolī* индусы правы по целому ряду пунктов.

Во-первых, среди индийских мусульман до последнего времени широким распространением пользовался взгляд, что урду возник из смешения различных языков и диалектов, носители которых стекались ко двору могольских императоров. Эта точка зрения, зафиксированная, в частности, в известном труде Мир Аммана, была воспринята и некоторыми европейскими учеными, часть которых еще и поныне считает урду чисто искусственным языком, возникшим из смешения различных диалектов и языков.

Во-вторых, в отношении образования *kharī bolī* представители этой точки зрения заявляют, что литературный хинди возник из урду путем механического исключения персидских и арабских слов и замены их словами санскритскими, чистыми tatsama или tadbhava.

В-третьих, до самого последнего времени среди самих индусов довольно широко был распространен взгляд, что современный хинди возник

¹ श्यामसुंदरदास. भाषाविज्ञान, काशी, संवत् १६८१, p. 342.

² हिंदी भाषा का विकास, p. 38.

из браджа, причем перестройка его произошла под влиянием мусульманского языка урду. Рамачандра Шукла указывает, что такого рода мысли высказывались еще совсем недавно (в 1928 г.) самим председателем общества «Ассоциация литературы хинди» (हिंदी साहित्य सम्मेलन).

С целью показать ошибочность этих взглядов индийские ученые совершенно справедливо указывают, что kharī bolī не есть новый язык. В частности Шьям Сундар Дас говорит:¹ खड़ी बोली का प्रचार भी उसी समय से है जब से अरबी या ब्रज भाषा का है. भेद केवल इतना ही है कि ब्रज भाषा तथा अरबी में साहित्य की रचना बहुत पहले से होती आई है और खड़ी बोली में साहित्य की रचना अभी थोड़े दिनों से होने लगी है, т. е.: «Kharī bolī существует в употреблении с того же времени, как и языки авадхи и брадж. Различие лишь в том, что литературное творчество развивалось на языках брадж и авадхи с очень давнего времени, меж тем как литературное творчество на кхари боли началось лишь весьма недавно».

Как сам Шьям Сундар Дас, так и Рамачандра Шукла и Джаганнатх Прасад Шарма указывают, что, помимо употребления в качестве разговорного языка, кхари боли с древнейших времен просачивался в художественную литературу.

Так, Амир Кхусро (1256—1325), более известный как персидский поэт, написал ряд мелких произведений, загадок и т. д. на кхари боли. При этом не только историки языка и литературы хинди, но и историки литературы урду считают стихи Амира Кхусро более близкими к хинди, чем к урду. Так, в частности, Рам Бабу Саксена говорит² о стихах этого поэта: «These verses though they employ Hindi words are scanned according to Sanskrit Prosody and can scarcely be regarded as Urdu verses though Persian words are found there and here».

После Амира Кхусро элементы кхари боли спорадически наблюдаются и у позднейших поэтов, а именно: Кабира, Нанака, Даду, у Бхушана в его «Шива Бавани», в одном из стихотворений Лалит Кишори, у Саталя Кави, в прозаическом рассказе уже названного Ганга, состоявшего при дворе императора Акбара, у Джатмаля (около 1624) в его «Gora badal kī kathā» и у других авторов.

Рассмотрение произведений названных авторов показывает, что на основании кратких фрагментов, вкрапленных в произведения, написанные на других литературных диалектах, мы можем говорить о существовании

¹ भाषाविज्ञान, p. 342.

² Ram Babu Saksena. A History of Urdu Literature, Allahabad, 1927, p. 10.

и развитии кхари боли с XIII в. Он является здесь в качестве одного из маловажных диалектов литературы хинди, причем этот диалект в литературе хинди употребляется в весьма ограниченных размерах, и лишь в единичных случаях, как мы наблюдаем это у Амира Кхусро и у поэта Ганга, он употреблялся как самостоятельный диалект, а не в качестве особого стилистического средства, каким он является у Бхушана и ряда других авторов индусов.

Факт употребления кхари боли в литературе хинди и урду с несомненностью свидетельствует также о том, что кхари боли употреблялся также и в качестве разговорного языка. Конечно, известны весьма многочисленные случаи, когда язык, весьма часто и долгое время употребляющийся в литературе, не является разговорным языком. Кхари боли, однако, стоит в непосредственной связи с разговорным языком, так как он вкладывается, как разговорный язык, в уста различных персонажей, выступающих в различных произведениях названных выше авторов. Весьма часто он используется как стилистическое средство выделить речь мусульман.

Таким образом древность кхари боли мы можем считать доказанной. В силу этого совершенно отпадают представления о кхари боли как о языке, возникшем либо из смешения различных диалектов, либо основанном на брадже. Кхари боли является самостоятельной идиомой, возникшей на основе одного из местных диалектов. Основан ли он на одном из диалектов, употребляемых близ Дели, Агры и Мерата, как то полагают индусские ученые, или же на основе одного из диалектов панджаби, как то полагает T. Grahame Baley,¹ не входит в задачу рассмотрения настоящей краткой статьи.

Однако индусские ученые при рассмотрении взаимоотношений кхари боли, современного литературного хинди, урду и хиндустани приходят к выводам, с которыми вряд ли можно согласиться.

Так, Шьям Сундар Дас, один из крупнейших знатоков хинди, с одной стороны, говорит: ² इस खड़ी बोली के तीन रूप वर्तमान हैं—(१) शुद्ध हिंदी—जो हिंदुओं को साहित्यिक भाषा है और जिसका प्रचार हिंदुओं में है। (२) उर्दू—जिसका प्रचार विशेषकर मुसलमानों में है और जो उनके साहित्य की और शिष्ट मुसलमानों तथा कुच्छ हिंदुओं की घर के बाहर की बोलचाल की भाषा है। और (३) हिन्दोस्तानी—जिस में साधारणतः हिंदी उर्दू दोनों के शब्द प्रयुक्त होते हैं और जिसे सब लोग बोलचाल में लाते हैं। इसमें भी साहित्य की रचना बहुत कम हुई है।», т. е.:

¹ T. Grahame Baley. Urdu; the Name and the Language. JRAS, 1930, April, pp. 391—400.

² Шьямसुंदरदास. भाषा विज्ञान, p. 342.

«Существует три формы кхари боли: 1) чистый хинди, который является литературным языком индусов и который употребляется среди индусов; 2) урду, который употребляется специально в среде мусульман и является их литературным языком, а также разговорным, употребляемым вне дома языком образованных мусульман и некоторых индусов и 3) хиндустани, в котором без различия употребляются слова обоих языков — хинди и урду — и которым пользуются все как разговорным языком. До настоящего времени литературная продукция на нем незначительна».

В приведенной цитате Шьям Сундар Дас рассматривает кхари боли как понятие более общее и в литературном прозаическом хинди, урду и хиндустани видит разные виды, разные формы языка, основанные на кхари боли.

С другой же стороны, несколько ниже в том же труде¹ Шьям Сундар Дас, следуя за пандитом Candra Guleri, утверждает, что «उर्दू कोई भाषा नहीं है हिंदी की विभाषा है.», т. е.: «урду не есть язык, он является диалектом хинди».

Повидимому, Шьям Сундар Дас в пылу полемики, имеющей столь давние корни в отношениях между индусской и мусульманской буржуазией, поставил знак равенства между кхари боли и хинди, так как, если бы он понимал в данном случае термин «хинди» как совокупность диалектов от Бихара до Панджаба, то в этом случае он должен был бы признать, что его диалектом является не только урду, но и литературный хинди и сам кхари боли.

Каким образом примирить эти два противоречащие положения, т. е., что, во-первых, хинди и урду являются диалектами кхари боли, и во-вторых, урду есть диалект хинди, — непонятно.

Эта подмена содержания, вкладываемого в понятия хинди и кхари боли, имеет решающее значение для всего последующего хода рассуждений о первоначальном этапе развития литературного хинди не только самого Шьям Сундар Даса, но и целого ряда других авторов индусов.

Именно с этой точки зрения урду, имеющий многовековую литературную традицию, представляется названным ученым чисто искусственным диалектом (कृत्रिम विभाषा).

Индусские ученые признают, что именно мусульманам принадлежит заслуга широкого распространения кхари боли по всей северной Индии и на Декане. Они признают также тот факт, что мусульмане первые

¹ Op. cit., pp. 346—347.

использовали кхари боли в качестве основы своего литературного языка и тем самым в течение нескольких столетий культивировали кхари боли как литературную форму. По их мнению, однако, кхари боли в руках мусульман получил чисто искусственный облик. Благодаря введению большого количества иноземных — персидских и арабских — элементов, урду утратил свой национально индийский характер, тем более, что урду воспринял и ряд весьма важных элементов персидской грамматики, благодаря чему его морфология и синтаксис могут весьма сильно отдалить его от хинди, приближая его, с другой стороны, к персидскому языку. Этот факт подробно освещен в одной из моих предшествующих работ.¹

Нельзя отрицать, что в руках мусульман кхари боли, приняв форму урду, подвергся весьма значительным изменениям, сильно удалившим его от разговорного языка. Тем не менее эти изменения были вполне естественны, поскольку эта литературная форма стала употребляться для выражения не индусской, а мусульманской культуры, круг понятий которой весьма отличен от круга понятий, свойственных индуизму. Кроме того, диалект кхари боли, модифицированный мусульманами и обращенный в урду, представляется не более искусственным, чем этот же кхари боли в руках некоторых писателей индусов, которые иногда почти совершенно изгоняют элементы *tadbhava*, заменяя их элементами *tatsama* и нагромождениями сложнейших композит, из которых некоторые состоят из десяти и больше компонентов.

Как перегруженность мусульманскими элементами, так и перегруженность санскритскими элементами, в особенности же сложными композициями, совершенно несвойственными духу кхари боли, придает ему искусственную форму. Индусы, вводя в хинди огромное количество санскритских *tatsama*, находят для себя оправдание в том, что санскритские элементы все же являются элементами национальными, во для индийских мусульман, живущих в этой стране в течение многих веков и воспитанных на арабской и персидской культуре, заимствования из арабского и персидского языков также представлялись и представляются «национальными» элементами.

Это положение приобретает особую значимость по той причине, что огромному большинству образованных индусов не вполне ясно понятие национальности. Во взаимоотношениях различных групп населения Индии вплоть до настоящего времени вместо принципа национальности решающее значение имеет принцип конфессиональный или кастовый. Ведь в Индии

¹ А. Barannikov. The Persian elements in the Urdu language. Изв. Акад. Наук СССР по отделению Гуманитарных Наук, 1929, № 3, стр. 181—200.

даже в настоящее время в большом ходу фразы, совершенно нелепые, если их перевести на европейские языки, вроде قوم کا مسلمان قوم کا ہندو, т. е. «по национальности» мусульманин, «по национальности» индус (!).

Лишь немногие индусские ученые, особенно те из них, которые занимаются специально современной формой хинди, видят взаимоотношения урду и хинди в их надлежавшей форме. Так, Kāmāprasād Guru¹ говорит: «हिंदी और उर्दू मूल में एक ही भाषा है। उर्दू हिंदी का केवल मुसलमानी रूप है», т. е. «Хинди и урду в своей основе один и тот же язык; урду является лишь мусульманской формой хинди».

Большинство же авторов, обращаясь к начальной стадии в развитии непрерывной литературной традиции на прозаическом хинди, в частности рассматривая первое крупное произведение на этом языке «Прем Сагар» Лаллу джи Лала, находят в нем некоторые моменты, якобы оскорбляющие их «национальное» индусское самолюбие, и потому стараются доказать, что Лаллу джи Лал не может считаться родоначальником литературной традиции на прозаическом хинди.

Индусские ученые настаивают на искусственном, убудочном характере урду особенно потому, что, видимо, многие из них толкуют выражение Лаллу джи Лала, употребленное им в предисловии к «Прем Сагару» «यामनी भाषा छोड़... खडी बोली में करूँ»,² т. е. «исключив мусульманские элементы... и поведа повествование на чистом языке» (*kharī bolī*), в том смысле, что современный литературный хинди создан Лаллу джи Лалом из урду путем исключения из него мусульманских элементов.

Следует сказать, что такая упрощенческая точка зрения довольно широко распространена не только в широких кругах индианистов, но даже и среди тех, кто специально занимается хинди или урду. Об этом говорит, предостерегая от такого понимания фактов, Kellog в предисловии к своей грамматике хинди.³

Стремясь опровергнуть указанное выше положение, индусские ученые стараются доказать, во-первых, что кхари боли имел самостоятельное существование, совершенно независимое от мусульман и их «искусственного» языка; во-вторых, что Лаллу джи Лал, состоявший на службе у англичан, не является основоположником современного литературного хинди.

¹ कामताप्रसाद गुरु। हिंदी व्याकरण। काशी नागरी प्रचारिणी सभा की आज्ञा से प्रकाशक इंडियन प्रेस, प्रयाग, स० १६८४, pp. 24—29.

² Lallu Lal. Prem Sagar. A new edition by E. B. Eastwick Hertford, MDCCCLI, p. 1.

³ Kellog. Hindi Grammar.

Бесспорно, что возражения индусов против упрощенческого, чисто механистического понимания образования современного литературного хинди, образования, якобы совершившегося исключительно путем замены одних лексических элементов литературного языка другими, вполне понятны и законны.

Необходимо указать, однако, что Лалу джи Лал в предисловии к своей книге не говорит, что он, создавая свой труд, ориентировался на урду. Он говорит, что пишет «दिल्ली आगरे की खड़ी बोली में», т. е. «на чистом языке Агры и Дели». Иными словами он ориентировался на чистый разговорный язык названных городов. Если бы он имел в виду письменный урду, то ему было бы незачем называть эти два города, так как в конце XVIII и в начале XIX вв. литературная традиция на урду развивалась с большим успехом и в других городах, напр. в Лукнове.

Так как Дели и Агра, на ряду с Лукновом и другими крупными городами северной Индии, были центрами мусульманской культуры и разговорный язык этих городов испытывал весьма сильное влияние со стороны литературного урду, индусские ученые стремятся доказать, что чистый кхари боли культивировался не в мусульманской среде, и даже не в среде, подверженной мусульманскому влиянию: этим языком якобы пользовались индусы-пандиты, садху, купцы и т. д.

Такого рода утверждения, высказываемые, правда, в пылу индусского патриотизма, приводят к тому, что индусские ученые противоречат самим себе, так как им же самим приходится признать, что древнейшие образцы *kharī bolī* сохранились либо в произведениях авторов мусульман (Амир Кхусро, Кабир), либо в тех частях произведений авторов индусов, где представлены мусульмане.

Так, Шьям Сундар Дас в своем курсе общего языкознания¹ пишет «हिंदू कवियों ने भी अपनी कविता में इस खड़ी बोली का प्रयोग किया है। प्रायः मुसलमानों की बातचीत वे खड़ी बोली में लिखते थे», т. е.: «Поэты-индусы также пользовались этим кхари боли. Обычно разговор мусульман они передавали на кхари боли».

Равным образом Рамачандра Шукла в вышеназванном очерке развития литературы хинди² говорит, что с точки зрения поэтов-индусов кхари боли представлялся специально языком мусульман: «इस से भूषण, सूदन आदि कवियों ने मुसलमानों के दरबारों के प्रसंग में या मुसलमान पात्रों

¹ श्याम सुंदरदास, भाषाविज्ञान, p. 343.

² रामचंद्र शुक्ल, हिंदी साहित्य का विकास, p. 207.

के भाषण में इस बोली का व्यवहार किया है», т. е.: «Поэтому Бхушан, Судан и другие поэты при изображении мусульманских дарбаров или в языке мусульманских персонажей (своих произведений) употребляли этот язык».

Из этих слов обонх авторов с полной очевидностью вытекает, что старые поэты-индусы видели в кхари боли специальный разговорный язык индийских мусульман; иначе никак нельзя понять, почему они применяли этот стилистический прием, т. е. заставляли мусульман, изображаемых в их произведениях, говорить на том же диалекте, которым сами мусульмане пользовались в своей литературе.

Несомненно, конечно, что кхари боли был также языком весьма значительной части образованных индусов, проживавших в центральной части северной Индии. Однако весьма важно помнить факт, отмечаемый пандитом Гулери и другими авторами, что индусы пользовались языком кхари боли только вне дома, так как разговорный язык, употреблявшийся ими дома, был в большей или меньшей мере окрашен местными диалектическими особенностями, разными в разных провинциях.

Несмотря на то, что кхари боли с весьма давнего времени употреблялся мусульманами не только как разговорный язык, но и в мусульманской поэзии, где он являлся, правда, большею частью в форме, обильно оснащенной персидскими и арабскими элементами, названные ученые индусы полностью игнорируют употребление элементов кхари боли в литературе урду, хотя у некоторых авторов литературы урду элементы санскритских *tadbhava* занимают весьма почетное место.

Полностью игнорируя употребление элементов кхари боли в индомусульманской литературе, индусы говорят о существовании одной лишь разговорной формы его. Очевидно, что под кхари боли они понимают исключительно такую форму его, в которой элементы *tadbhava* выступают в сочетании с элементами *tatsama*. Но при таком понимании кхари боли становится совершенно невразумительным, каким образом кхари боли может проявляться в трех формах — литературного хинди, урду и хиндустани, о чем, как отмечено выше, говорит сам Шьям Сундар Дас.

Из истории любого языка мы знаем, что при отсутствии литературного языка соответствующая разговорная форма не обладает стабильностью ни в отношении лексики, ни в отношении грамматики, так как разговорная форма всегда в сильной мере подчиняется местным, локальным влияниям. Этого ни в коем случае нельзя утверждать о разговорном кхари боли, употреблявшемся образованными кругами в разные периоды его развития. Кхари боли выступает в весьма единообразном оформлении у различных

авторов, поэтов-индусов, спорадически употреблявших его в своих поэмах, написанных на брадже. Кроме того, при отсутствии единообразия в разговорной форме, кхари боли не мог явиться в столь сходной литературной форме в самом начале XIX в. у авторов, писавших в различных частях страны, т. е. у Лаллу джи Лала, Лал Садасукха и Инша Алла Кхана.

До XIX в. единственной формой литературного языка, которая в известной мере направляла свободное развитие разговорного кхари боли и сообщала ему некоторую устойчивость и стабильность, является литературный язык индийских мусульман-урду. В этом его большая историческая заслуга, вполне рельефно выступающая для всякого, кто рассматривает данные лингвистические факты объективно, в их исторической связи.

Наше утверждение о стабилизирующей роли литературного языка мусульман-урду, сообщавшего более или менее стандартную форму разговорному кхари боли, имеет в виду только язык господствующих классов населения северной Индии и Декана. Язык ремесленников и рабочих не только в прошлом, но и в настоящее время характеризуется разнодиалектностью и весьма ясно выраженными проявлениями влияния местных, локальных диалектов, как это прекрасно показал Сунити Кумар Чатерджи в своей статье о калькуттском хиндустані.¹

Высказанное выше признание чрезвычайно важной роли урду как литературного языка, действовавшего в течение нескольких веков на разговорный кхари боли, сообщавшего ему стабильность и предотвращавшего распадение кхари боли на ряд диалектов, ни в коей мере не означает утверждения, что современный литературный хинди произошел из урду. Как урду, так и литературный хинди, оба основаны на разговорном кхари боли. Различие лишь в том, что урду развился значительно раньше и в силу этого мог проявлять весьма сильное влияние на развитие разговорного кхари боли, сообщая ему большую устойчивость. Аналогичного влияния на кхари боли не могли проявлять разные формы, употреблявшиеся в литературе хинди до начала XIX в., так как любая из них основана на диалектической базе, отличной от той, на которой построен разговорный кхари боли, являющийся основой хинди и урду.

Несомненное влияние урду на образование литературного хинди доказывается также и тем, что основоположники современного хинди, т. е. Лаллу джи Лал, мунши Садал Мишра, Лал Садасукх и Инша Алла Хан, были прекрасными знатоками урду, причем первенство в этом отношении

¹ Suniti Kumar Chatterji. Calcutta Hindustani. Indian Linguistics, vol. I, p. 111.

принадлежит, конечно, Инша Алла Хану и Садасукху, из которых первый является одним из крупнейших поэтов литературы урду, второй же — автором нескольких книг на урду и на персидском языке.

Вполне понятно, что литературный язык мусульман, урду, воздействовал на оформление литературного хинди не непосредственно, а через посредство разговорного кхари боли, который у названных авторов получил свою законченную форму только благодаря их прекрасному знанию урду.

«Патриотизм» индусских ученых проявляется не только в их стремлении отрицать очевидный факт воздействия мусульманского урду на образование литературного хинди, но также и в том, что они стараются умалить роль Садал Мишра и особенно Лаллу джи Лала.

Так, хотя в предисловии к изданию «Прем Сагара» Лаллу джи Лала, выпущенному Nāgarī Prāsāngī Sabhā, издатель, отражая широко распространенное мнение, говорит, что «ये (т. е. Лаллу джи Лал) हिंदी गद्य के आदि और उसके आधुनिक स्वरूप के प्रथम लेखक माने जाते हैं», т. е.: «Он (т. е. Лаллу джи Лал) почитается начальным автором прозы хинди и первым писателем на хинди в его современной форме».¹ Шьям Сундар Дас и другие авторы многократно отрицают эту роль Лаллу джи Лала. В своем курсе общего языковедения Шьям Сундар Дас говорит:² «लल्लूजीलाल हिंदी गद्य के जन्मदाता माने जाते हैं... वास्तव में उन्हो ने हिंदी गद्य का आधुनिक रूप नहीं दिया...», т. е. «Лаллу джи Лал почитается основоположником прозаического хинди. В действительности не он дал прозаическому хинди его современную форму» и т. д. То же повторяет Шьям Сундар Дас в очерке развития хинди, приложенном к словарю हिंदी शब्दसागर,³ а за ним и ряд других авторов, в частности श्री Джаганнатх Прасад Шарма.⁴

Наиболее важным из доводов этих авторов-индусов является то, что Лаллу джи Лал действовал не самостоятельно, не по своей собственной инициативе, а по директивам администрации Fort William College'a. Вторым доводом является его якобы слабое знание санскрита и якобы вытекающая отсюда недостаточная подготовленность Лаллу джи Лала для столь важного дела, как создание прозаического литературного хинди.

¹ Ср. также इय्यामुंदरदास. हिंदी गद्य के आदि आचार्य, न० प्र०, प०, नवीन संस्करण, भाग ६, अंक १, १६८१, p. 19.

² भाषाविज्ञान, p. 346—349.

³ हिंदी भाषा का विकास, p. 41.

⁴ श्री जगन्नाथ प्रसाद शर्मा. हिंदी गद्य शैली का विकास, न० प्र० प०, नवीन संस्करण, भाग ११ — अंक ३, १६८७, p. 198.

Индусы-ученые указывают, что кроме Лаллу джи Лала и Садал Мишра создателями литературного хинди должно считать также мунши Садасукх Лала и Саида Инша Алла Хана. Деятельности этих авторов при- дается тем большее значение, что оба названные автора действовали не по директивам администрации колледжа в Форте Вильяма, а по собственному почину. По словам индусов этот факт имеет весьма важное принципиальное значение, так как свидетельствует о том, что потребность в прозаическом литературном языке была осознана в самом индийском обществе и даже были сделаны самостоятельные, независимые от англичан, попытки удовле- творить эту потребность.

Мунши Садасукх Лал был родом из Дели, он родился в 1746 г. и умер в 1825 г. В течение долгого времени он состоял на службе у East India Company. Он был прекрасным знатоком урду и персидского языка и написал ряд произведений на этих языках. Садасукх Лал сделал также прозаический перевод Bhāgavat'a на хинди и дал ему название Сукхсагар (सुखसागर). Кроме того, Садасукх написал также несколько статей на прозаиче- ском хинди, из которых одна даже была напечатана.¹

Рамачандра Шукла подчеркивает, что Садасукх писал на прозаиче- ском хинди не по директиве того или другого чиновника Ост-Индской компании и не по какому-нибудь данному образцу, а по собственному почину. Из этого следует, что Садасукх писал на разговорном языке образованных индусов: «ज्ञो शिष्ट भाषा चारों ओर... प्रचलित पाई उसी में रचना की... मुंशीजीने हिंदूओं के शिष्ट बोल चाल की भाषा ग्रहण की»,² т. е. «Он писал на том языке образованных кругов, который был в употреблении всюду. Мунши воспринял разговорный язык образованных индусов».

Нельзя сомневаться в том, что потребность в прозаическом языке назрела в конце XVIII в. среди индусов северной Индии. К этому времени в Индии уже успела образоваться индусская торговая буржуазия, которая действовала в тесном контакте с англичанами, являясь либо их посред- никами, либо агентами в их торговой и административной деятельности в Индии. Интересы этого класса лежали в современности, и старый про- заический язык феодальной Индии был мало пригоден для их сношений, так как он был абсолютно непонятен широким слоям населения и не обла- дал лексикой, связанной с современностью.

¹ श्यामसुंदरदास आधुनिक हिंदी गद्य के आदि आचार्य, p. 18.

² रामचंद्र शुक्ल. हिंदी साहित्य का विकास, p. 210—211.

Однако индусам, как будет отмечено далее, непонятна идея прозаического литературного языка, близкого к разговорному. Это проследивается не только на всем протяжении развития литературной традиции в Индии, но наблюдается и в настоящее время, когда на наших глазах литературные языки все больше и больше отрываются, за немногими исключениями, вроде панджабского языка, от своих разговорных форм. Индусские ученые рядом убедительных с их точки зрения аргументов доказывают, что литературный язык должен в сильной мере отличаться от разговорного языка, даже от разговорного языка образованных классов.

При таком положении вещей даже в настоящее время, трудно предположить, чтобы индусы по собственной инициативе отказались от столь широко распространенного литературного языка, каким был в то время брадж, на котором к тому времени создалась обширная поэзия, и чтобы они обратились к новому диалекту для создания прозаического языка. Ведь даже в настоящее время ведущие в области языка круги индусов считают невозможным перейти в литературе на ту форму кхари боли, которая является наиболее близкой к разговорному языку, т. е. на литературный хиндустани.

Можно сомневаться в большой близости языка Садасукха к разговорному языку его времени. Особенное сомнение вызывает его лексика, так как он в весьма широких размерах пользуется санскритскими tatsama, чего, конечно, не могло быть в разговорном языке. Несомненно, однако, что он в процессе создания литературного прозаического языка шел по тому же пути, по которому идет большинство деятелей современной литературы хинди, в огромных размерах пользующихся санскритскими tatsama.

Так как Садасукх закончил свой труд несколько раньше, чем другие деятели начального периода литературы хинди, то его деятельности в этом направлении придается особенно большое значение.

Саид Инша Алла Хан (умер в 1817 г.) был крупнейшим поэтом литературы урду. Он состоял придворным поэтом сначала в Дели, потом в Лукнове и наконец в Муршидабаде при дворе бенгальского наваба. Желая доказать своим друзьям, что можно писать на чистом разговорном языке, Инша Алла Хан написал рассказ رانی کتکی کی کہانی (Rānī ketkī kī kahānī), в котором пользовался лексикой и стилистическими оборотами одного лишь разговорного языка образованных кругов своего времени, избегая как вульгаризации, так и вычурности, характерной для литературного урду его эпохи. Самостоятельность темы Инша Алла Хана, простота,

изящество и образность его языка, насыщенного оборотами повседневного употребления, заставляют историков литературы хинди признать за Инша Алла Ханом первенство в отношении мастерского владения новым прозаическим стилем литературного хинди. Эти историки обычно все же отмечают, что в его лексике, особенно же в синтаксисе, в сильной мере сказывается влияние языка урду.

Третьим из основоположников современного литературного хинди индусские авторы считают пандита Садала Мишра. Как и Лаллу джи Лал, он состоял на службе у East India Company в качестве преподавателя в Fort William Colleg'e. В 1803 г. он перевел на хинди повесть नासикेतोपाख्यान («Nāsiketopākhyān»).

Хотя, по мнению индусских ученых, язык пандита Садала Мишра значительно лучше, чем язык Лаллу джи Лала, однако и его язык страдает рядом недостатков, из которых наиболее важными являются следующие: а) употребление форм восточного хинди, вроде फूलन्ह, चङ्गदिस, मुनि и т. д., б) постановка связки перед причастиями в сложных глагольных формах, напр.: उत्तम गति को हैं पङ्कचते, в) опускание связки, напр.: कन्या सब गतीं, д) неустойчивость орфографии, напр. написания कद्ही и कधी и некоторые другие. При всех своих мелких недостатках, язык пандита Садал Мишра признается лучшим, чем язык Лаллу джи Лала.

Особенно резкой критике подвергается Лаллу джи Лал и его язык.

Так, Джаганнатх Прасад Шарма указывает,¹ что труд Лаллу джи Лала значительно уступает указанным трудам Садасукха и Инша Алла Хана, так как Лаллу джи Лал, во-первых, действовал не по собственному почину, а лишь следовал директивам англичан, состоя в качестве преподавателя на службе в Fort William Colleg'e. Во-вторых, его «Прем Сагар», законченный в 1803 г. одновременно с «Nāsiketopākhyān» Садала Мишра и «Rālī Ketkī kī Kahānī» Инша Алла Хана, не является оригинальным произведением, а лишь переработкой труда Чатурбхудж Мишра.

Язык Лаллу джи Лала, по мнению названного автора, страдает рядом недостатков, главнейшие из которых следующие: а) нет строгой выдержанности в грамматике; б) санскритские tatsama употребляются в значительном количестве, но написания их весьма часто отличны от принятой исторической орфографии; в) равным образом не всегда выдержана орфография слов tadbhava; д) Лаллу джи Лал совершенно изгнал из своей лексики персидские и арабские элементы, несомненно, прочно вошедшие в хинди,

¹ श्रीजगन्नाथ प्रसाद शर्मा. हिंदी की गद्य शैली का विकास, p. 197.

и, наоборот, е) он в широких размерах пользуется браджем и ф) ввел в свой «Прем Сагар» значительное количество стихов на этом языке; г) помимо стихов на брадже Лаллу джи Лал иногда пользуется рифмой и в некоторых других частях своих произведений.

На основании указанных фактов язык Лаллу джи Лала, хотя и не лишенный, по мнению современных пандитов, некоторых достоинств, не может считаться образцом литературного хинди. В силу этого Лаллу джи Лал не может считаться основоположником прозаического хинди.

Из четырех авторов, писавших в начале XIX в. на прозаическом хинди, по мнению Рамачандра Шукла¹ наилучшим должно признать язык Садасукх Лала, потому он должен считаться основоположником современного литературного прозаического хинди. В этом отношении с Рамачандра Шукла согласен и шри Джаганнатх Прасад Шарма.²

С точки зрения чистоты и правильности литературного языка Шьям Сундар Дас располагает³ остальных трех авторов в такой последовательности: «पहला स्थान इनशा उल्ला खाँ, दूसरा मदन मिश्र और तीसरा लखनूजी लाल को मिलना चाहिये», т. е.: «Первое место должен занять Инша Улла Хан, второе Садал Мишра и третье Лаллу джи Лал».

Таким образом Лаллу джи Лал, который в европейской литературе почитается основоположником современного прозаического хинди, с точки зрения индусских пандитов занимает самое последнее место или даже совершенно исключается из числа основоположников прозы хинди.

Для того чтобы разобраться в причинах столь различных выводов у европейских авторов, с одной стороны, и у индусов — с другой, необходимо остановиться на аргументах, которыми пользуются ученые-индусы, и на их критерии образцового литературного языка.

Авторы-индусы считают важным недостатком языка Лаллу джи Лала то, что в его грамматике нет стабильности и стандартности; у него для одной и той же формы имеется несколько вариантов. Так, напр., для выражения абсолютива употребляются формы вроде करि, करिके, बुलाय, बुलाय करि, बुलायकर, बुलायकरि के и т. д. Кроме того, в язык Лаллу джи Лала вторгаются некоторые формы диалекта брадж, вроде भई, которому в современном литературном языке соответствует ऊई; सोई, निरख, लीजे, и др.

¹ रामचंद्रशुक्ल. हिंदी साहित्य का विकास, p. 214.

² श्रीज्ञाननाथ प्रसाद शर्मा. हिंदी की गद्यशैली का विकास, p. 195.

³ श्याम सुंदर दास. आधुनिक हिंदीगद्य के आदि आचार्य, p. 38.

Но, во-первых, отклонения от норм современного литературного языка встречаются у всех четырех авторов. У Садасукх Лала наблюдаются формы вроде *जावता, जावता* и т. д. *को* вместо *कोई* и т. д. У Инша Алла Хана формы вроде *जातियां, जातियां* и т. д., у Садал Мишра отмеченные выше формы вроде *फूलन्ह* и т. д. Таким образом этот недостаток наблюдается у всех названных авторов. Да вряд ли эти отклонения можно считать недостатками. Повидимому, разговорный язык XVIII в. обладал большим количеством форм, чем современный литературный язык, разные авторы вносили в свои произведения разные варианты этих форм. Лишь последующее развитие литературного языка приводит к известной стандартности.

Во-вторых, литературный хинди даже в настоящее время не обладает большой стандартностью, свойственной, напр., важнейшим из современных европейских языков. Не говоря уже о его лексике, где наблюдаются огромные расхождения у разных авторов, имеется также ряд грамматических форм, выражаемых разными средствами. Для примера можно взять хотя бы формы абсолютива, который приводится названными авторами. В любой грамматике для этой формы дается несколько вариантов, напр.: *बोल, बोलकर, बोल्के, बोलकरके*, или формы конъюнктива: *जाये, जाय, जाए, जावे*, или формы причастия прошедшего времени вроде: *दिये* и *दिए*, и т. д. Несомненно, дальнейшее развитие литературного хинди приведет к исчезновению некоторых из этих вариантов, но в настоящее время каждая из этих форм является вполне нормальной и совершенно свободно употребляется в литературном языке. Относительно форм абсолютива мы можем только сказать, что употребление форм *его*, равных основе, постепенно ограничивается, и, наоборот, наиболее обычной является форма с окончанием *कर*, которая в дальнейшем, повидимому, вытеснит все остальные.

Употребление диалекта брадж, а также употребление стихов на этом диалекте ни в коей мере не может считаться недостатком языка Лаллу джи Лала. Употребление стихов на брадже есть своеобразный композиционный прием, которым Лаллу джи Лал пользуется в своем «Прем-Сагаре». Эпическое повествование у него ведется на прозаическом кхари боли, а моменты высокого лирического напряжения передаются на лирическом языке, каким издавна и до последнего времени считался в литературе хинди диалект брадж. Оба эти диалекта не смешиваются друг с другом.

Пользование разными диалектами и даже разными языками, как композиционный прием, известно в индийской литературной традиции с давнего времени. Классический пример этого рода мы наблюдаем в санскритской

классической драме, где брахманы, цари, воины и боги говорят на санскрите, женщины высокого ранга говорят на пракрите шаврасени, а поют на пракрите махараштри, меж тем как представители низших каст говорят на разных диалектах магадхи.

Несомненно, аналогичным композиционным приемом пользуется и Лаллу джи Лал в своем «Прем Сагаре». Напр.:

ऐसे कड़ी कड़ी बातें सुनाय सोच संकोच कौड़े हरि का रथ पकड़ आपस में कहने लगों,
मथुरा की नारियाँ अति चंचल चतुर द्वय गुन भरी हैं उनसे प्रीति कर गुन औ रस के बस हो
वहां हों रहेंगे बिहारी! तब कहि को कौंगे सुरत हमारी? उन्हीं के बड़े भाग हैं जो प्रीतिम
सग रहेंगीं. हमारे जप तप करने में एसी क्या चूक पड़ी थी जिस से श्री कृष्णचंद्र विहड़ते हैं?
यों आपस में कह फिर हरि से कहने लगों कि तुम्हारा तो नाम है गोपीनाथ, किस लिये नहीं
ले चलते हमें अपने साथ?।

तुम बिन किन किन कैसे कौटे,	पलक झोट भये क्वाती फौटे.
द्वित लगाय कयों करत विहोद	पिटुर निर्दई धरत न मोद.
ऐसे तहां जपै सुंदरी,	सोचै डुख समुद्र में परी.

«Такие вот жестокие слова пастушки говорили... Забыв рассудок свой и стыд, они все ухватились за колесницу Хари и так друг другу говорили: „Матхурские боярыни легко доступны, в любви искусны и прекрасны. Ты их полюбишь, их красоте и чарам подчинишься, и там останешься, Бихари! Тогда зачем тебе о нас и вспоминать? Как счастливы они, что будут жить с любимым! Чем провинились мы, когда творили подвиги свои, моленья? За что шри Кришначандра покидает нас?“ Так меж собою говорили все пастушки, потом вновь обратились к Хари: „Тебя зовут ведь все владыкою пастушек, Гопинатхом, так почему ж с собою не возьмешь ты нас, пастушек?“

Как проживем хоть миг мы, без тебя, о друг?
Едва сомкнутся веки, разорвется грудь.
Любовью осыпал нас, что ж даришь разлуку?
Нет жалости в тебе к нам, утопил нас в муке!
Так говорят пастушки в страшном тяжком горе,
Печальные все тонут в море страшной скорби».

Как видно из представленного отрывка, мы наблюдаем здесь два литературных диалекта. Прозаическая часть его написана на кхари боли, новом в литературе хинди диалекте, меж тем как стихотворная часть его,

в которой выражается большая лирическая напряженность, что отмечается самим стихом, дается на брадже, диалекте, который издавна считается специальным языком лирики.

Каждый из этих диалектов имеет свои специальные функции и свою сферу применения. Элементы диалекта брадж обычно не выходят за рамки стиха. Лишь единичные формы браджа весьма редко употребляются и в прозе, что, повидимому, объясняется тем, что эти формы были свойственны и разговорному языку конца XVIII в.

Большим недостатком языка Лаллу джи Лала ученые индусы считают то, что употребляемые им санскритские tatsama даются в написаниях, отличных от орфографических, т. е. тот факт, что Лаллу джи Лал не придерживается принятой в настоящее время исторической орфографии.

Но, во-первых, Лаллу джи Лал, стараясь писать на языке, возможно более близком к разговорному, несомненно писал санскритские tatsama так, как они произносились в его эпоху. Таким образом это является недостатком орфографии, к тому же недостатком, который осознается таковым с точки зрения принципа, положенного в основу современной орфографии. Этого рода отклонения Лаллу джи Лала от современных норм ни в коем случае нельзя считать недостатками языка как такового.

Вопросы орфографии в хинди весьма сложны, и Лаллу джи Лал, создавая новую литературную форму, разрешал их так, как ему представлялось более правильным. К тому же исторический принцип орфографии в языке хинди явление новое. Вся предшествующая Лаллу джи Лалу литературная традиция на разных литературных языках создавалась авторами, которые либо не придерживались никакой орфографии, либо следовали фонетическому принципу, ориентируясь на свои произносительные нормы, часто весьма неустойчивые.

Во-вторых, орфография и в настоящее время весьма слабое место литературного хинди и подлежит дальнейшему совершенствованию. Не только в XIX в., но и в самые последние годы на страницах индийской прессы обсуждаются различные принципы реформы шрифта деванагари и реформы орфографии.¹ Уже один этот факт свидетельствует о том, что принцип, положенный в основу современной орфографии, исходя из которого индусские ученые относятся отрицательно к орфографии, применяемой Лаллу джи Лалом, не пользуется всеобщим принципиальным признанием

¹ Можно упомянуть хотя бы проект реформы деванагари и орфографии, обсуждавшийся в 1933 г. на страницах бенаресской газеты *Аж*, или проект, обсуждающийся в настоящее время в журнале *Sarasvatī*.

и будет так или иначе изменен. В случае принятия одного из обсуждающихся проектов, а нужно сказать, что некоторые из них уже проводятся в жизнь, как то мы видим в статьях на хинди, публикуемых в настоящее время, напр., на страницах маратской газеты *केसरी (Kesari)*, — естественно, орфография почти всех современных авторов литературы хинди окажется устаревшей, но из этого вовсе не следует, что вследствие этого устаревшим окажется и язык этих авторов.

На основании отклонений от орфографии санскритских *tatsama* ряд авторов утверждают, что Лаллу джи Лал слабо знал санскрит, либо совсем не знал его.¹ Такой вывод является несколько неожиданным. Наблюдения же над языком «Прем Сагара» и других произведений Лаллу джи Лала вряд ли позволяют сделать такое заключение. Тем более из этого факта нельзя выводить заключения, что Лаллу джи Лал не был подготовлен, как то утверждают некоторые авторы, к большой роли основоположника нового литературного языка.² Шьям Сундар Дас, также считающий Лаллу джи Лала мало подготовленным для своей роли, приводит все же следующее мнение других ученых, не разделяющих его точки зрения:³ «कुछ लोगों का यह कहना है कि यदि ये ब्राह्मण होते तो कदापि इतना यश के भागी न होते. पर यह तो न्यूटन आदि जगत्प्रसिद्ध विद्वानों के लिये भी कहा जा सकता है», т. е.: «Некоторые говорят, что если бы он (т. е. Лаллу джи Лал) жил в настоящее время, то никогда бы не достиг такой славы. Но это же можно сказать и относительно Ньютона и других ученых, пользующихся мировой известностью».

Кроме того, историческая роль того или иного деятеля вовсе не определяется одной лишь степенью полученного им образования, тем более образования в той области, которая не относится непосредственно к области его деятельности. Несомненно, в конце XVIII и в начале XIX в. было много ученых пандитов, знавших санскрит, а может быть, и хинди значительно лучше, чем их знал Лаллу джи Лал, и тем не менее они не участвовали в том большом деле, которое сделал Лаллу джи Лал.

Индийские ученые, исходя из чисто абстрактного факта чистоты и «большей правильности» языка, причем принцип чистоты языка устанавливается исходя из норм современного языка, считают, что Лаллу джи Лал не может почитаться основоположником современного литературного

¹ रामचंद्रशुक्ल. हिंदी साहित्य का विकास, pp. 212—213.

² श्याम सुंदर दास. आधुनिक हिंदी गद्य के आचार्य, pp. 18—21.

³ Op. cit., p. 30.

хинди, каковую роль нужно признать за мунши Садасукхом и Саидом Инша Алла Ханом и в несколько меньшей мере за Садал Мишром.

К такому выводу можно прийти лишь в том случае, если совершенно абстрагироваться от известных исторических фактов, сообщаемых самими этими же учеными. Известно ведь, что повесть Садал Мишра «Nāsiketo-rākhuān» скоро была забыта и не переиздавалась. Сам Шьям Сундар Дас говорит,¹ что собрание статей Садасукха даже не было опубликовано, а рассказ Саида Инша Алла Хана был опубликован впервые только раджой Шив Прасадом, через несколько десятков лет после его написания.

Между тем «Прем Сагар» Лаллу джи Лала издавался много раз, и его популярность с каждым годом все возрастала и возрастала. Совершенно понятно, что воздействовать на последующее оформление литературного языка могут лишь те произведения, которые распространяются и читаются, а не те, которые лежат в рукописях, или забыты вскоре после их выхода в свет.

Таким образом из всех названных произведений четырех авторов, которые индийскими учеными считаются основоположниками современного литературного хинди, «Прем Сагар» Лаллу джи Лала является наиболее важным произведением, сыгравшим почетную историческую роль. Благодаря его большой популярности в сильной мере распространилась идея прозаического литературного языка; именно на этом произведении учились прозаическому языку многочисленные авторы последующего этапа в развитии литературы хинди.

Местные индийские ученые пытаются умалить значение Лаллу джи Лала и Садал Мишра указанием на то, что оба эти автора состояли на службе в Fort William College и действовали по директивам администрации колледжа. Для местных националистов это положение названных авторов представляется тем более одиозным, что, как то указано в начале статьи, в английской и вообще в европейской лингвистической литературе был широко распространен взгляд, что прозаический хинди есть язык, изобретенный англичанами. Хотя это утверждение в настоящее время не пользуется признанием индологов, знакомых с историческими фактами, однако индусы справедливо усматривают в таких утверждениях оскорбление своего национального достоинства и в стремлении опровергнуть это утверждение отрицают и историческую роль тех деятелей-индусов, которые действовали в контакте с англичанами над созданием литературного хинди.

¹ Op. cit., p. 32.

Индийские ученые указывают, что пандит Садасукх и саид Инша Алла Хан не состояли на службе в названном колледже и таким образом действовали самостоятельно, по собственному почину. Но, во-первых, пандит Садасукх также состоял на службе у East India Company, хотя и не в качестве преподавателя колледжа; во-вторых, тот факт, что оба названных автора приступили к созданию своих прозаических произведений на хинди лишь тогда, когда над этой же задачей уже работали Лаллу джи Лал и Садал Мишра, с несомненностью свидетельствует о том, что они взялись за это дело тоже не без влияния европейцев, принесших в Индию новую для нее в это время идею литературного языка, близкого к разговорному.

Особенно важно отметить факт, что, меж тем как для Садасукха и Саида Инша Алла Хана обращение к творчеству на прозаическом хинди было более или менее случайным, Лаллу джи Лал посвятил этому делу всю свою жизнь, как то видно из немногих известных нам фактов его биографии.

Как то указывает сам Лаллу джи Лал, он был гуджаратским брахманином и первоначально проживал в Агре или, точнее, в небольшом селении близ Агры. Его имя было Лаллу Лал (लल्लूलाल), Лал Чанд (लालचंद) или Лаллу джи (लल्लूजी), но в своих литературных произведениях он пользовался псевдонимом Лал-Кави (लालकवि). Лаллу джи Лал родился в 1753 г. (точнее, samvat, 1820) и при жизни отца изучил санскрит, персидский язык и брадж. По смерти отца он в 1786 г. в поисках средств существования отправился в Муршидабад, где и поступил на службу к навабу Мубарак уд Даула. В 1793 г. Лаллу джи Лал оставляет службу при дворе наваба и отправляется в Калькутту.

После службы при различных других дворах Лаллу джи Лал поступает в качестве преподавателя хинди в Fort William College, который был открыт англичанами для обучения английских чиновников, желающих изучать местные языки. В обязанности преподавателей этого колледжа входило также и составление текстов, по которым велось обучение. Таким образом Лаллу джи Лал приступил к созданию своих первых произведений ex officio, в силу необходимости дать материал для чтения своим ученикам.

Лаллу джи Лал состоял преподавателем калькуттского колледжа в течение почти двадцати пяти лет. В середине этого периода он открыл свою собственную типографию под названием «Sanskrit Press» и занялся издательской деятельностью. Его издания имели успех и расходились по всей Индии. Помимо классиков древне-индийской литературы, Лаллу джи

Лал много печатал на хинди, в частности издавал свои произведения. Эти издания даже в настоящее время считаются лучшими. Лаллу джи Лал является, таким образом, одним из первых индусов, занявшихся издательской деятельностью.

Литературная продукция Лаллу джи Лала довольно значительна по числу его произведений. Он писал на трех литературных языках, а именно: на урду, брадже и хинди. Важнейшими из его произведений являются следующие:¹

1. सिंहासन बत्तीसी (на хинди),
2. बैताल पचीसी (на урду),
3. शकुंतला नाटक (на хинди),
4. माधोनल (на брадже),
5. माधव विलास (на брадже),
6. सभाविलास (сборник стихов на различных языках),
7. प्रेमसागर (на хинди),
8. राजनीति (на брадже),
9. भाषा - कायदा (грамматика хинди),
10. लतायफ हिंदी (сборник рассказов на урду, хинди и брадже),
11. लाल चंद्रिका (на хинди).

Из всех названных произведений наибольшее значение имеют труды Лаллу джи Лала на хинди. Их историческое значение определяется не их числом, а тем фактом, что это были первые печатные произведения хинди, созданные на новом прозаическом литературном языке. Тот факт, что Лаллу джи Лал отдал почти весь творческий период своей жизни созданию произведений на этом языке и сделался одним из первых пионеров печатного дела в Индии, свидетельствует о том, что Лаллу джи Лал сознавал огромное значение начинаемого им дела. Уже один этот факт свидетельствует о том, насколько неправы те из индийских ученых, которые пытаются умалить историческое значение Лаллу джи Лала. Меж тем как Садасукх и Саид Инша Алла Хан написали по одному произведению, которые остались в рукописи, Лаллу джи Лал посвящает литературной деятельности на хинди всю жизнь, сам занимается издательской деятельностью, и некоторые из его произведений на хинди завоевывают широкую популярность, которую не утратили и до сих пор.

¹ श्याम संदरदास. आधुनिक हिंदी गद्य के आदि आचार्य, стр. 23.

Наиболее важным из произведений Лаллу джи Лала является «Прем Сагар». Именно это произведение выдержало несколько изданий еще при жизни Лаллу джи Лала и продолжает издаваться в разных частях северной Индии вплоть до наших дней.

Не являясь вполне оригинальным произведением, а лишь творческой обработкой одной из версий легенд о Кришне, вошедших в «Бхагавату Пурану», это произведение, благодаря стройности композиции, простоте и изяществу языка, стало книгой, читаемой самыми широкими кругами грамотного населения северной Индии.

Для того чтобы разобраться в сущности тех высказываний, которые исходят от индийских ученых в отношении языка Лаллу джи Лала, главным образом же относительно языка «Прем Сагара», необходимо вкратце остановиться на языке этого произведения.

Прежде всего относительно орфографии «Прем Сагара».

Должно сказать, что только европейские издания этого произведения и немногие научные индийские издания его сохраняют орфографию автора. В силу господствующего в Индии пренебрежения к вопросу об идентичности орфографии позднейших изданий с орфографией оригинала, большинство популярных и даже quasi-научных изданий «Прем Сагара» дают его текст в современной исторической орфографии. Так поступает большинство издателей не только с текстом «Прем Сагара», но и с произведениями, значительно более древними, с произведениями XVI, XV и более ранних веков.

По этой причине для суждения об орфографии «Прем Сагара» даются параллельно написания из старого Hertford'sкого издания E. V. Eastwick'a (что будет обозначено литерой Н, где сохраняется орфография оригинала) и из изданий бомбейского (В) и аллахабадского (Р — Pṛayāg — Аллахабад).

Необходимо указать, что, за немногими исключениями, отклонения от современной орфографии у Лаллу джи Лала как в «Прем Сагаре», так и в других его произведениях наблюдаются исключительно в санскритских словах.

Отмечаемые здесь отклонения взяты только из прозаической части «Прем Сагара». Орфография его стихотворных частей, написанных на брадже, не привлекается к рассмотрению, так как она имеет свою особую традицию.

Главнейшие отклонения от современной исторической орфографии литературного хинди, характерные для «Прем Сагара», следующие.

1. Орфографическому ऋ (*r̥*) в «Прем Сагаре» соответствует इ *i* и इर *ir*: शृङ्गार P₈, B₈ *ṣṛṅgār*¹ — सिंगार H₈ *siṅgār* 'убор, наряд'; पृथ्वी P₁ B₂ *prthvī* — पिरथी H₃ *pirthī* 'земля'.

2. Орфографическому ऋ (*r̥*), стоящему перед ковечным немым в хинди согласным, в «Прем Сагаре» соответствует ई — і: शृङ्ग P₂₃ B₂₁ *ṣṛṅg* — सींग H₂₈ *sīṅg* 'рог'.

3. Орфографическому ऋ (*r̥*) в «Прем Сагаре» в единичных случаях соответствует ए *e*: गृह P₁₇ *gr̥ha* — गेह H₁₃ *geh* 'дом'.

Примечание. В единичных случаях в «Прем Сагаре» сохраняется ऋ *r̥*, что является, возможно, опечатками: पृथु P₆ B₆ *pr̥thu* — पृथिकु H₅ *pr̥hiku*, пом. पृथोर. ('широкий').

4. Орфографическому औ *au*, ऐ *ai* соответствует в «Прем Сагаре» ओ *o*, ए *e* यौवन P₇ *yauvana* जौवन H₆ *joban* 'юность', वैश्या P₂ *vaiṣyā* बेश्या H₃ *beṣyā* 'проститутка'.

5. Орфографическому अव *ava* соответствует в «Прем Сагаре» औ *au*: अवतार B₁₈ P₁₉ *avatār*, औतार H₁₈ *autār* 'аватара, воплощение'; अवसार P₂ *avasār*, औसार H₃ *ausār* 'случай, возможность'.

6. Орфографическому अय *aya* соответствует в «Прем Сагаре» ऐ *ai*: नयन P₂ *nayan* नैन H₃ *nain* 'глаз'; कमलनयन P₁₈, B₁₇ *kaṁvalnayan* कंवलनैन H₁₃ *kaṁvalnain* 'лотосоглазый'; समय P₂ B₂ *samaya*, समै H₃ *samai* 'время'; उदय P₅ B₅ *udaya* उदै *udai* 'восход'.

7. Орфографическому स्व *sva* соответствует в «Прем Сагаре» सु *su*: स्वभाव P₂ *svabhāv*, सुभाव *subhāv*.

8. Орфографическому उव *uva* соответствует в «Прем Сагаре» औ *o*; सुवर्ण P₂ *suvarṇa*, सोना H₃ *sonā* 'золото'.

9. Орфографическое конечное इ *i* в «Прем Сагаре» исчезает (нуль окончания): उपाधि P₉ *upādhi* उपाध H₇ *upādh* 'насилие'; सुधि P₁₁ *sudhi*, सुध H₈ *sudh* 'память, воспоминание'; रीति P₁₉ *rīti* रीत H₁₈ *rīt* 'способ, манера'; ध्वनि P₁₈ *dhvani* धनु, H₁₂ *dhun* 'звук'.

10. На месте орфографических (санскритских) групп согласных, если они не упрощены ассимиляцией, последовательно наблюдается *svagabhakti* (полногласие):

वर्ण <i>varṇa</i>	वरन H ₃ <i>baran</i> 'окраска, цвет, каста';
हर्ष P ₆ <i>harṣa</i>	हरष H ₅ <i>haraṣ</i> 'радость';
दर्शन P ₁₈ , B ₁₇ <i>darṣan</i>	दरशन H ₃ <i>daraṣan</i> 'видение';

¹ Цифры после литер, указывающие на соответствующее издание, обозначают страницы соответствующих изданий — хертфордского, аллахабадского и бомбейского.

मूर्ख P ₁₈ <i>mūrkh</i>	मूर्ख H ₉ <i>mūrakh</i> 'глупец, дурак';
धीर्य P ₈ <i>dhīrya</i>	धीर्य H ₆ <i>dhīraj</i> 'твердость, мужество';
रत्न P ₁₇ <i>ratna</i>	रत्न H ₁₃ <i>ratan</i> 'сокровище';
यत्न <i>yatna</i>	यत्न H ₁₀ <i>jatan</i> 'усилие, старание';
मग्न P ₂₇ <i>magna</i>	मग्न H ₁₉ <i>magān</i> 'потонувший'.

11. Орфографическая висарга (:) в «Прем Сагаре» обычно исчезает:

दुःख *duḥkh* दुख H₂ *dukh* 'страдание, боль'.

12. Орфографическому *v* соответствует в «Прем Сагаре» *ḅ*:

वनवास <i>vanavāsa</i>	वनवास H ₅ <i>banbās</i> ;
वैष्णव P ₆ <i>vaiṣṇav</i>	वैष्णव H ₁₅ <i>baiṣṇav</i> 'вишнуит';
वाणी <i>vāṇī</i>	वाणी H ₅ <i>bāṇī</i> 'голос, речь';
वेग P ₁₁ <i>veg</i>	वेग H ₇ <i>beg</i> 'быстрота, скорость';
वंश P ₉ <i>vanṣa</i>	वंस H ₇ <i>bans</i> 'род, семья';
विदा P ₂₃ <i>vidā</i>	विदा <i>bidā</i> 'разлука';
विचार B ₅ <i>vicār</i>	बिचार H ₄ <i>bicār</i> 'мысль';
उपवन P ₁₈ <i>upavan</i>	उपवन H ₁₈ <i>uraban</i> 'роща';
पतिव्रता P ₇ <i>pativratā</i>	पतिव्रता H ₆ <i>pativratā</i> 'преданная супругу' (жена);
संबत P ₂₃ <i>sāmvat</i>	संबत H ₁₆ <i>sāmbat</i> 'год';
गर्ब <i>garva</i>	गर्ब H ₈ <i>garba</i> 'гордость'.

13. Орфографическому *ṣ* соответствует в «Прем Сагаре» *s*:

असीस P ₂₃ <i>aṣīṣ</i>	असीस H ₁₆ <i>asīs</i> 'благословение';
शौच P ₉ <i>ṣauc</i>	सौच H ₂ <i>soc</i> 'чистота';
शरण P ₂ , B ₂ <i>ṣaran</i>	सरण H ₃ <i>saran</i> 'защита, покровительство';
आशा P ₅ <i>āṣā</i>	आस H ₅ <i>ās</i> 'надежда';
दश P ₆ <i>daṣ</i>	दस H ₅ <i>das</i> 'десять';
शील P ₇ <i>ṣīl</i>	सील H ₆ <i>sīl</i> 'характер, добрый нрав';
यदुवंशी P ₁₅ <i>yaduvaṅṣī</i>	यदुवंसी H ₁₁ <i>yadubansī</i> 'принадлежащий к роду Яду';
नाश P ₁₅ <i>nāṣ</i>	नास H ₁₁ <i>nās</i> 'гибель';
श्वान P ₁₇ <i>ṣvān</i>	स्वान H ₂ <i>svān</i> 'собака';
दशा P ₇₇ <i>daṣā</i>	दसा H ₁₂ <i>dasā</i> 'положение, состояние';
शक्त P ₂₇ <i>ṣakat</i>	सक्त H ₉ <i>sakat</i> 'телега'.

14. Орфографическому *ṣr* соответствует в «Прем Сагаре» *s*:

श्रावण P₁₆ *ṣrāvan* सावन H₁₁ *sāvan* 'месяц шраван'.

15. Орфографическому *y* соответствует в «Прем Сагаре» ञ *j*:

यश P ₆ B ₆ <i>yaś</i>	ज्ञस H ₆ <i>jas</i> 'слава, известность';
योधा P ₁₀ <i>yodhā</i>	ज्ञोधा H ₇ <i>jodhā</i> 'воин, воитель';
यशोदा P <i>yaśodā</i>	ज्ञशोदा H <i>jasodā</i> 'Яшода';
योगी P ₂₂ <i>yogī</i>	ज्ञोगी H ₁₅ <i>jogī</i> 'йог';
अपयश P ₁₇ <i>apayaś</i>	अपज्ञस H ₁₂ <i>apajas</i> 'бесславиe, позор';
यति B ₂₁ <i>yatī</i>	ज्ञति H ₁₅ <i>jatī</i> 'отшельник, аскет'.

16. Орфографическому *ry* соответствует в «Прем Сагаре» ञ либо *aj*:

कार्य P ₄ <i>kārya</i>	काञ H ₄ <i>kāj</i> 'действие, дело';
कार्य P ₄	कारञ <i>kāraj</i> 'действие'.

17. Орфографическому *ty* соответствует в «Прем Сагаре» त *t*: *skt.* त्यञ *tyaj* 'оставлять', तञना H₇ *tajnā* 'оставлять, покидать'.

18. Орфографическому *dr* соответствует в «Прем Сагаре» द *d*: चंद्रमुख P₁₈ *caṅdramukha* चंद्रमुख H₈ *caṅdamukh* 'луннолиций'.

19. Орфографическому ञ *kṣ* соответствует в «Прем Сагаре» क् *ch*: पक्षी P₁₈ *pakṣī* पक्षी H₁₈ *pachī* 'птица'.

20. Орфографическому थ *thv* соответствует в «Прем Сагаре» थ *th*: पृथ्वी *pṛthvī* पिरथी H₈ *pirthī* 'земля'.

21. Орфографическому स्व *sva* соответствует в «Прем Сагаре» स *sa*: स्वप्न P₁₆ *svapna* सपना H₁₂ *sapnā* 'сон'.

22. Орфографическому ण *n* весьма часто соответствует в «Прем Сагаре» न *n*:

आवण P ₁₆ <i>ṣāvāṇ</i>	सावन H ₁₁ <i>sāvan</i> 'месяц праван';
वाणी <i>vāṇī</i>	बानी H ₅ <i>banī</i> H ₅ 'речь, голос';
वण <i>vaṇa</i>	बरन H ₃ <i>baran</i> 'окраска, каста'.

23. Орфографическому ग्य *gy* соответствует в «Прем Сагаре» ग *g*:

योग्य B ₇ <i>yogyā</i>	ज्ञोग H ₁₆ <i>jog</i> 'подобающий, соответствующий';
योग्य P ₈ <i>yogyā</i>	योग H ₁₂ <i>yog</i> 'надлежащий'.

24. Орфографическому ज्य *jy* соответствует в «Прем Сагаре» ज *j*:

ज्योतिषी P ₂₉ <i>jyotiṣī</i>	ज्ञोतिषी H ₂₀ <i>jotiṣī</i> 'астролог'.
---	--

Примечание. В отдельных, весьма редких случаях указанное в пункте 24 соответствие наблюдается не только в санскритских словах, но и в словах кхари боли (хинди):

ज्यों ही... त्यों ही P₂₈ *jyōñhī... tyōñhī* — जोंही... तोंही H₁₉ *joñhī... toñhī* 'как только-то'.

ज्यों के त्यों P₂₀ *jyōñ ke tyōñ* जों के तों H₁₈ *joñ ke toñ* 'как только, немедленно, сразу'.

25. Орфографическому ङ *h* также в отдельных изолированных словах хинди соответствует в «Прем Сагаре» स *sa*:

तेरह *terah*

तेरस H *teras* 'тринадцать';

चौदह *caudah*

चौदस *caudas* 'четырнадцать'.

Наблюдая все отмеченные выше важнейшие отклонения письма «Прем Сагара» от обычной в настоящее время орфографии, мы убеждаемся, что эти отклонения не являются произвольными и случайными: все они подчинены одному принципу, а именно: Лаллу джи Лал дает написания слов в современной ему произносительной форме, которая лишь в относительно немногих случаях отличается от теперешней формы. Точнее, мы можем сказать, что, меж тем как современная орфография и словарь пользуются санскритскими *tatsama*, Лаллу джи Лал пользуется формами *tadbhava*, свойственными произносительным формам языка. Таким образом Лаллу джи Лал следует фонетической орфографии, принципу, которому следовала вся предшествующая литературная традиция на разных диалектах хинди, а равным образом и пракритская литература.

Если признать, как это делаем мы, что Лаллу джи Лал в своем письме пользуется не историческим принципом, который применяется в современной орфографии хинди, а фонетическим, то даже беглое наблюдение убеждает нас в том, что последний принцип проведен непоследовательно. Ряд санскритских слов пишется в обычной исторической орфографии.

Приведем важнейшие из этих отклонений:

यज्ञ *yajña* 'жертва, жертвоприношение';

आकाश *ākāś* 'небо, небеса';

श्री *śrī* 'святой, великий, достопочтенный', напр. श्री कृष्ण *śrī Kṛṣṇa* श्री Кришна';

शास्त्र *śāstra* 'шастра, наука, дисциплина';

शस्त्र *çastra* 'вооружение, оружие', но оружие древнее, в отличие от современного, для обозначения которого употребляется термин हथियार *hathiyār* 'оружие';

शुद्र *çudra* 'шудра', название касты;

नरेश *nareç* 'владыка мужей, царь';

पृथ्वीनाथ *prthvināth* 'владыка земли, царь';

शब्द *çabda* 'слово, звук';

शुभ *çubh* 'счастливый, благоприятный'. Обычно употребляется, когда говорят о счастливом знаменнии или счастливом дне, устанавливаемом астрологами.

Все приведенные здесь слова даются только в этой санскритской орфографии.

Весьма легко заметить, что все приведенные слова относятся либо к культуре, либо являются элементами высокого стиля (नरेश *nareç*, पृथ्वीनाथ *prthvināth*) или словами ученого словаря (शस्त्र *çastra*). Именно по указанным причинам они сохраняют свою санскритскую историческую орфографию.

Таким образом эти внешние отклонения от принципа орфографии, которым пользуется Лаллу джи Лал, оказываются мнимыми отклонениями: слова религиозного и ученого словаря почти во всех языках имеют свой особый путь развития, и совершенно понятно, что этот факт отмечается и в орфографии.

Эти данные показывают нам, насколько необоснованными являются утверждения некоторых индийских ученых, которые на основании непоследовательности в орфографии выводят заключение, что Лаллу джи Лал был мало подготовлен к роли основоположника нового языка и потому не может считаться таковым.

Названные выше индийские ученые указывают, что язык Лаллу джи Лала не обладает стандартностью; Лаллу джи Лал, по их мнению, дает для одной и той же формы ряд дублетов, что не соответствует требованиям, которые обычно предъявляются к литературному языку.

Это положение в применении к новоиндийским языкам звучит весьма строго. Мы знаем, что даже ряд современных языков, если не все они, обладают весьма развитой системой дублетов, что объясняется кратковременностью периода, в течение которого употребляются в прозаической литературе новоиндийские языки, и чем моложе литературная традиция, тем больше дублетов для одной и той же формы допускает литературный

язык. Для примера можно указать хотя бы на панджабский язык, где традиция дублетных форм, особенно в области местоимений, весьма сильна. В большинстве современных языков известная стандартизация достигается весьма давно известным способом, путем санскритизации современных литературных языков.

Возьмем некоторые из важнейших случаев употребления Лаллу джи Лалом дублетов, не вполне характерных для современного прозаического языка.

1. В качестве основы косвенных форм от местоимения मैं *main* 'я' Лаллу джи Лал обычно пользуется मुझ *mujh*, напр.: मुझसे रहा नहीं जाता H₂, *mujhse rahā nahīn jātā*. 'Я не могу вынести'. Однако на ряду с этой формой Лаллу джи Лал изредка употребляет основу मेरे *mere*, напр.:

वे राजा हो अधिक अधर्म मेरे पर करेंगे, *Ve rājā ho adhik adharm mere par karēnge*.

«Они, сделавшись царями, будут творить на мне (т. е. на земле) великие беззакония».

Хотя эта форма в настоящее время не считается стандартной и более свойственной разговорному языку, тем не менее любая грамматика хинди или урду считает эту форму основы допустимой и в литературном языке... Эта форма основы и аналогичные ей основы других местоимений совершенно свободно употребляются в современном литературном языке. Для примера можно взять отрывки из речи Ганди, произнесенной им в Горакхпуре. मेरे को फुर्सत न पाने से *mere ko fursat na pāne se*,¹ «за отсутствием у меня времени» इसी बात से हमारे में ताकत आजाती है,² *isī bāt se hamāre meñ tāqat ājātī hai*, «от этого в нас является сила».

2. В качестве основы при местоимении 2 лица единственного числа तू *tū* изредка в тексте на кхари боли употребляется तैं *tain* в сочетании с послелогом ने *ne* вместо обычной для кхари боли формы तू ने *tū ne*. Однако такая форма основы употребляется Лаллу джи Лалом только в ритмованной и рифмованной части текста, т. е. в своеобразных стихотворных вкраплениях в прозаический текст «Прем Сагара», напр.: क्या अर्जुन को तैं ने दर गया ज्ञाना, तिससे उसका धन नहीं पहिन्चाना H₂, «иль ты узнал, что Арджун далеко, и потому уж не узнал его ты лука».

¹ गोरखपुर में गान्धी जी. अस्त्रयोगमाला, पुष्प — ८, कलकत्ता, १९७८, p. 10.

² Op. cit., p. 13.

3. В единичных случаях तै *tain* употребляется в значении прямой формы в прозаической части текста «Прем Сагара», напр.: श्री कृष्ण जी ने पूछा तै कौन है H₅₅, «шри Кришна джи спросил: „Кто ты?“».

4. Весьма большое разнообразие наблюдается в языке Лаллу джи Лала в образовании основ косвенных форм местоимения वह *vah* 'он'. Помимо обычных для современного языка форм उस *us-* и उन *un-*, в «Прем Сагаре» употребляются соответственно формы Sg. तिस *tis* — Pl. तिन *tin* и Sg. विस *vis-* Pl. विन *vin-*.

Напр.: तिस से उसका धर्म नहीं पहिचाना H₂, «потому не узнал его закона»; तिनका बोझ मैं न सह सकूंगी H₃, «я не смогу вынести бремя их»; विसका नाम पवनरेखा H₇, «ее имя Паванрекха»; विनके पीछे सब गांव उठगया H₁₈, «за ними устремилась вся деревня».

5. В качестве основы косвенных форм от местоимения कोई *ko'i* изредка употребляется архаическая форма किस् *kisū* вместо обычной в настоящее время формы किसी *kisī*, напр.: किस् को भी न थी H₁₉, «ни у кого не было».

6. Все глагольные формы Лаллу джи Лал строит по тому же принципу, что и современные авторы. Встречаются лишь отдельные изолированные отклонения от современных норм. Эти отклонения наблюдаются преимущественно в рифмованных частях «Прем Сагара», которые отмечались раньше, напр.:

а) форма будущего времени:

अब मैं उसको दूहूँ याप वही मीच पावेगा याप H₃, «я прокляну его теперь, его постигнет скоро смерть»; जहाँ हरिभक्त यह क्या सुनावेंहैं तहाँ ही सब तीर्थ औ धर्म ओवेंहैं H₅, «где верные святому Хари сказанье это будут слушать, туда придут святые все места и все законы».

б) Причастие прошедшего времени от глагола करना *karnā* 'делать' в единичных случаях выступает в форме, отличной от современной стандартной формы, т. е. किया *kiyā*, и звучит करा, करी. Изредка эта форма допускается и в современном литературном языке. सब श्री कृष्ण की करी ऊई बाललीला «Прем Сагар», H₅₂, «все чудеса, совершенные шри Кришной в детстве».

с) В формах conjunctiv'a во втором и третьем лица единственного числа вместо окончания *e* у Лаллу джи Лала обычно является окончание है *ai*, в чем верно сказалось влияние браджа. Напр.: गुन के बदले औगनु करै... किसी के किये गुन को भी मन में न धरै H₅₅, «он за добро всем платит злом, не помнит и добра, кто б ни совершил его».

d) В формах optativ'a на ряду с формами, совпадающими с формами современного языка, напр.: बताइये H_3 *batā'iye* «благоволите сказать», बसुदेव को दीजिये *basudev ko dīji'ye* «благоволите дать Васудеву», встречаются формы, слегка отличающиеся от современных, что, видимо, является результатом неточности орфографии Лаллу джи Лала; возможно, что эти стяженные формы употребляются и в настоящее время: कीजो H_4 *kījo* H_4 *км.* कीजियो *kījiyo* «благоволите сделать»; दीजो H_4 *км.* दीजियो *dījiyo* «благоволите дать»; दीजे H_8 *км.* दीजिये *dījiye* «благоволите дать»; लीजो H_8 *км.* लीजिये *lījiye* «благоволите взять».

7. Из глагольных форм, видимо, обязанных своему существованию влиянию браджа, кроме уже отмеченных форм conjunctiv'a можно указать на причастие прошедшего времени भया *bhayā* *км.* हुआ *hu'ā*. Причастие भया *bhayā* входит в состав всех соответствующих форм и употребляется на всем протяжении «Прем Сагара». Напр.: आकाश से बानी भई H_3 , «с небес раздался голос».

8. Весьма характерным для Лаллу джи Лала, как и для всей предшествующей ему литературной традиции на разных диалектах хинди, является образование отыменных глаголов непосредственно от именных основ, без помощи вспомогательных глаголов. Напр.: санскр. क्रोध *kor* 'гнев' — क्रोपना H_{17} *корпнā* 'гневаться'; санскр. हर्ष *haras* 'радость' — हर्षना H_8 *харашнā* 'радоваться'; санскр. जन्म *janm* 'рождение' — जन्मना H_7 *жанмнā* 'рождаться'; санскр. उपज *uraj* 'рождение' — उपजना H_{13} *ураjnā* 'рождаться, являться'; санскр. प्रकट *prakat* 'появившийся' — प्रकटना H_{12} *пракатнā* 'появляться'; санскр. हन *han* 'убивать' — हनना H_{12} *ханнā* 'убивать' и т. д.

Глаголы, построенные по типу, представленному выше, были вполне нормальны не только в поэтических диалектах его, но и в самом кхари боли до конца прошлого столетия, с какового времени начинается усиленная санскритизация литературного хинди. Только вследствие этой санскритизации из современного языка изгоняются глаголы, сходные по принципу построения с приведенными, и начинают употребляться сложные сочетания из имен и причастий (почти исключительно санскритских) со вспомогательными глаголами होना *honā* 'быть' и करना *karnā* 'делать', напр.: उत्पन्न होना *utpann honā* 'рождаться, производиться', उत्पन्न करना *utpann karnā* 'рождать, производить', ग्रहण करना *grahaṇ karnā* 'брать' (собственно 'совершать взятие') и т. д.

Приведенные факты убеждают нас в том, что в построении как именных, так и глагольных форм у Лаллу джи Лала имеются лишь весьма не-

значительные отклонения от норм современного литературного языка. Одни из них объясняются влиянием диалекта брадж (как, напр., дублиеты основ косвенных форм местоимения वह *vah* 'он' или окончание ऐ *ai* в формах conjunctiv'a), другие же тем, что в последние несколько десятилетий в хинди получила весьма сильное выражение тенденция к санскритизации прозаического языка.

Обращаясь к синтаксису Лаллу джи Лала, мы видим, что он следует тем же нормам, которые характерны для современного литературного языка. Отклонения от этих норм объясняются индивидуальной особенностью стиля Лаллу джи Лала.

1. Как отмечают индийские ученые, Лаллу джи Лал изгнал из своего языка все мусульманские элементы, хотя бы и органически вошедшие в разговорный язык. Исключение представляют лишь те немногие технические термины, для которых ни в хинди, ни в санскрите не было эквивалентов, напр.: तुपक *tupak* 'пушка'. В связи с этой далеко идущей эмансипацией от мусульманского влияния Лаллу джи Лал изгнал из своего употребления ряд мусульманских союзов, получивших права гражданства не только в разговорном, но и в современном литературном хинди; таковы союзы कि *ki*, персид. کي *ki* 'что, чтобы' и ताकि *taki* 'чтобы'. В функции этих обоих союзов Лаллу джи Лал употребляет जो *jo*, что изредка наблюдается и в современном литературном хинди, напр. в «Прем Сагаре»: झेधेरा ऐसा ऊँचा जो दिन की रात हो गई H₇, «настала такая тьма, что день обратился в ночь»; इसका कारण कहे जो मेरे मनका संदेह जाय H₅, «скажи причину этого, дабы сомнение из моей души ушло».

2. Лаллу джи Лал довольно редко пользуется союзами, которые в настоящее время представляются устаревшими и употребляются только в диалектах, напр. जद 'когда', तधदी 'тогда-то': जद चाप कोपियेगे तधी वे भाग जायेंगे H₁₄, «когда вы изволите прогневаться, то они убегут».

3. Лаллу джи Лал пользуется повторами личных форм глаголов или причастием прошедшего времени, стоящими в прямой форме, что обычно не принято в современном литературном хинди, напр.: चेला चला चला वह्नां चाया जह्नां राजा बैठो सोच करता था H₄, «ученик отправился и прибыл туда, где сидел царь, погруженный в печаль».

4. В своем синтаксисе Лаллу джи Лал пользуется абсолютивами, лишёнными окончаний, в размерах, не свойственных современному языку, который избегает их нагромождения, напр.: सब गोपियां रिस झोड़ प्रसन्न हो उठ हरि से मिल, भांति भांति के सुख मान आनंद मगन हो, कुतूहल करने लगीं H₅₅, «Все пастушки, забыв свой гнев, просветлев, встав, приблизившись

к Хари, исполнившись всяческого счастья, погрузившись в радость, занялись игрой».

В современном языке такое нагромождение абсолютивов не терпимо. Однако, это — особенность стиля Лаллу джи Лала, а не специфика его синтаксиса.

5. Равным образом особенностью стиля Лаллу джи Лала нужно признать его вынесение форм глагола लनगा *lagā* 'начинать', т. е. форм लग्गा *lagā* 'начал', लगे *lage* 'начали', на передний план, меж тем как в современном хинди эти формы обычно стоят на конце предложений. Число инфинитивов, подчиненных формам लग्गा *lagā*, लगे *lage*, у Лаллу джи Лала иногда бывает весьма значительным, напр.: в «Прем Сагаре»: कृष मे लगे बन उपवन करे हो हो फूलने, फलने, नदी नाले सरोवर भरने; तिन पर भांति भांति के पक्षी कलोलें करने और नगर नगर गांव गांव घर घर मंगलाचार होने; ब्राह्मण यज्ञ रचने; दसों दिशा के दिगपाल करषने, बादल ब्रजमंडल पर फिरने; देवता अपने विमानों में बैठे आकाश से फूल बरसावने; विद्याधर... गुण गाने H₁₃, «от радости леса и рощи, зазеленев, покрылись цветами и плодами; каналы, реки и пруды наполнились водой; на них защебетали разнообразнейшие птицы, и в каждом городе, в деревне каждой, в каждом доме праздник наступил; брахманы стали жертвы совершать; хранители всех десяти стран света радости исполнились; над Брахмандалом облака ходили; усевшись на свои виманы, боги пролили с небес цветочный дождь; видьядхары... воспели добродетели...»

В словаре Лаллу джи Лала употребляется ряд архаизмов, которые либо не употребляются в современном языке, либо употребляются весьма редко, напр.:

1. От местоимения क्या *kyā* 'что' в единичных случаях употребляются основы косвенных форм कह्हे *kāhe*, вместо современного किस *kis*, напр.: तिस में फूल फल कह्हे को लगेगा... H₉, «на чем появятся у него цветы и плоды».

2. Изредка употребляются архаические послелогии.

а) पै *rai* = соврем. पर *par* 'на', 'над', 'к'. राजा के चरणों पै गिर... H₈, «упав к ногам царя».

б) के सोंहीं *ke sonhīn* = соврем. के सामने *ke sāmne* 'перед'. बसुदेव कंस के सोंहीं जा... कह्हे लगे H₉, «Васудев, пойдя к Кансе, сказал».

в) के ढिग *ke dhig* = соврем. के पास *ke pās* 'у, близ'. यसोदा के ढिग मुला दिय... H₁₄, «уложил спать возле Яшоды».

3. Равным образом изредка употребляются немногие архаические наречия и союзы:

а) फेर *pher*, соврем. फिर *phir* 'потом, затем';

б) औ *au* и даже अरु *aru* на ряду с современным और *aur* 'и';

с) कै *kai* 'или' = соврем. कि *ki* или या *yā*: देवता हो कै ब्राह्मण... Н₂. «боги ль вы или брахманы». लड़का न होय कै यहाँ डुष्ट मरे... Н₁₀, «возможно, не родится мальчик или умрет злодей».

4. В довольно значительном числе употребляются архаизмы чисто словарного порядка, напр.: पै *pai* 'молоко', उघड़ना *ugharṇā* 'раскрываться', उघाड़ना *ughārṇā* 'раскрывать', निबेड़ा Н₁₈ *niberā* 'конец', रिस *ris* 'гнев', मीच *mīc* 'смерть', и др.

Рифма и ритм применяются Лаллу джи Лалом не только в коротких лирических отрывках на брадже, которые пестрят почти на каждой странице сказания «Прем Сагара», но наблюдаются и в прозаической части повествования. На этом основании некоторые указанные выше индийские ученые полагают, что Лаллу джи Лал не сумел надлежащим образом справиться с проблемой создания прозы и постоянно сбивается на стих, освященный употреблением в предшествующей целиком стихотворной традиции.

Возьмем несколько примеров употребления Лаллу джи Лалом ритма и рифмы. अब मैं उसको डुहूँ आप वही मीच पावेगा आप... Н₈, *ab main us ko duhūñ crāp, vahī mīc pāvegā āp*, «я прокляну его теперь, его постигнет скоро смерть»; तनिक दोष पर ऐसा आप तैं ने किया बड़ा ही पाप Н₄ *tanik doṣ par aisā crāp taiñ ne kiyaṅ baṛā hī pāp*, «за столь ничтожную вину проклятие изрек! Ты совершил великий грех!»

जो एक चित्त हो करो ध्यान तो सब समझोगे अपने ही ज्ञान Н₆, *jo ek citta ho karo dhyān to sab samjhoge apne hī jñān*, «коль ты с единой мыслью погрузишься в созерцанье, то все постигнешь, осененный знаньем».

जिस समै घर में कपूत आता है तिस समै जस और धर्म जाता है... Н₇, *jis samaiñ ghar meñ kopūt ātā hai tis samaiñ jas aur dharm jātā hai*, «когда в дому дурной сын появляется, тогда закон и слава исчезает».

आज से ऊई गर्भ की आज लड़का होगा दसवें मास... Н₆, *āj se hu'ī garbh kī ās laṛkā hogā dasveñ māś* «с сегодняшнего дня ты зачала, сын на десятом месяце родится у тебя!»

Как видно из представленных примеров, которые можно умножить во много раз, рифма и ритм у Лаллу джи Лала являются не случайно: они являются средством подчеркнуть изречения, определенные положения или

поговорки. Таким образом привнесение рифмы и ритма является не слабостью автора, а только его своеобразным композиционным приемом.

Этот поверхностный анализ орфографии и разных сторон языка «Прем Сагара» Лаллу джи Лала показывает, что нет никаких существенных различий между языком Лаллу джи Лала и современным прозаическим языком. Весьма большие различия наблюдаются в орфографии. Причина этих различий в том, что Лаллу джи Лал в своей орфографии следует фонетическому принципу, а современная орфография хинди следует фонетическому принципу лишь в отношении слов хинди (*tadbhava*) и слов, заимствованных из мусульманских и других индийских языков, меж тем как для слов, заимствованных из санскрита, сохраняются традиционные, санскритские написания их. Различия в области морфологии и синтаксиса незначительны и производят впечатление мелких диалектических вариаций, которые могут наблюдаться в любом языке, пользующемся в орфографии фонетическим принципом, а также стилистических особенностей, составляющих индивидуальную принадлежность автора.

Тот факт, что Лаллу джи Лал посвятил весь творческий период своей жизни культивированию новых литературных форм на новом литературном языке и собственными изданиями, имевшими в свое время огромный успех, популяризировал идею прозаической литературы, показывает, что Лаллу джи Лалу принадлежит наибольшая заслуга в деле создания современного хинди.

Сознание необходимости прозаического языка созрело в самом индийском обществе, однако идея прозаического литературного языка, близкого к разговорному и способного удовлетворить потребности индийской буржуазии, сформилась у нее после знакомства с характером европейских литературных языков, в частности английского языка. Англичане в Индии предъявили к прозаическому индийскому языку те требования, которые обычно предъявляются к живому литературному языку в Европе. Для английских коммерсантов и их агентов необходимо было овладеть такой формой языка, которая позволила бы им общаться с соответствующими их интересам кругами населения Индии, и, с этой точки зрения, они из своих чисто практических соображений должны были отвергнуть формы письменного языка, имевшие употребление только в литературе и сильно отличающиеся от наиболее распространенной разговорной идиомы, какой был в конце XVIII в. кхари боли. Именно вследствие этих практических соображений перед туземными авторами, работавшими в Fort William College, встало задание — создать литературный язык, близкий к разговорному кхари боли.

Первоначальное понимание характера литературного хинди, отраженное в языке «Прем Сагара», в силу давних индийских традиций не встретило всеобщего признания. Особенно изменяется характер хинди в конце XIX и в XX вв.

В заключение весьма важно остановиться на критерии «литературного языка» и вытекающих отсюда принципах построения литературного хинди, принципах, которые определяют его развитие в последние несколько десятилетий. Этот факт имеет тем большее значение, что названными принципами определяется построение не только хинди, но и других языков, в первую очередь бенгальского литературного языка.

Большинство индийских ученых полагает, что литературный язык должен значительно отличаться от разговорного языка даже образованной части населения.¹ В соответствии с этим эти ученые видят единственный способ построить на основе разговорного языка литературный язык в насыщении его возможно большим количеством чистых санскритских заимствований, т. е. чистых санскритских tatsama.

Исходя из этой весьма оригинальной теоретической точки зрения, индийские ученые видят в литературном языке, близком по своей лексике к разговорному языку, т. е. в том литературном языке, который носит название хиндустани, искусственную форму литературного языка, развитие которой может поощряться только по соображениям чисто стороннего порядка.

Так, Шьям Сундар Дас, обращаясь к вопросу о создании литературного хиндустани, говорит:² «हिंदोस्तानी भाषा के विषय में इतना ही कहना है कि इसकी सृष्टि अंग्रेजी राजनीति के कारण हुई है। हिंदी और उर्दू दोनों भाषाओं को मिलाकर, अर्थात् इन दोनों भाषाओं के शब्दों में से जो शब्द बहुत अधिक प्रचलित हैं उन्हें लेकर तथा हिंदी व्याकरण के सूत्रों में परो कर इस भाषा को रूप दिया जा रहा है», т. е.: «относительно языка хиндустани можно сказать лишь следующее: своим появлением на свет он обязан политическим соображениям англичан. Смешав два языка — хинди и урду, т. е. взяв из обоих языков слова, которые наиболее часто употребляются в них, и нанизав их на нитку грамматики хинди, (англичане) создали этот язык».

Так как общими элементами, наиболее широко употребительными как в хинди, так и в урду, являются лексические элементы *tadbava*, т. е. слова, свойственные также и чисто разговорному языку, и так как

¹ Шьямसундардас, भाषा विज्ञान, p. 353.

² Op. cit., p. 352.

главное различие между литературным хинди и литературным урду заключается в том, что в первом из них широко употребляются чистые санскритские заимствования, так называемые tatsama, а во втором — чистые заимствования из персидского и арабского языков, то, с точки зрения Шьям Сундар Даса, язык, максимально приближающийся к разговорному, является искусственным, созданным англичанами «по политическим соображениям».

Оригинальность этого взгляда Шьям Сундар Даса выступает с еще большей ясностью, если вспомнить другое утверждение этого же автора, где он говорит, что хиндустан — это язык «जिस में साधारणतः हिंदी उर्दू दोनों के शब्द प्रयुक्त होते हैं और जिसे सब लोग बोलचाल में काम में लाते हैं»,¹ т. е. «в котором употребляются слова как хинди, так и урду и которым пользуются все в разговорной речи».

Логическим выводом из этих посылок названного ученого будет утверждение, что сам разговорный язык, употребляемый 200 миллионами населения современной Индии, является искусственным, изобретенным англичанами! Искусственным же является, как то отмечено выше, по мнению Шьям Сундар Даса, и литературный язык индийских мусульман; таким образом «естественным» является лишь литературный хинди, на 75 или 80% насыщенный санскритскими заимствованиями.

Таким образом европейские понятия о соотношении разговорного и литературного языка у Шьям Сундар Даса оказываются поставленными на голову: естественной формой литературного языка признается такая форма, которая максимально приближается к средневековому литературному языку брахманства и минимально доступна пониманию широких масс населения.

Насыщение литературного хинди санскритскими tatsama делается не только из указанных «чисто теоретических соображений», но и с целью сделать язык хинди более понятным и более доступным в других провинциях, так как в литературных языках этих провинций также имеется весьма значительное число санскритских tatsama. Эти практические или вернее политические соображения в наиболее краткой и ясной форме высказал Mahamahopadhyaya Sri Giridhar Sharma Saturvedi в своей статье о заимствовании санскритских слов в современный хинди. Он говорит:²

¹ Op. cit., p. 342.

² महामहोपाध्याय श्री गिरिधर शर्मा चतुर्वेदी. वर्तमान हिंदी में संस्कृत शब्दों का ग्रहण, न० प्र० प० भाग १०—खंड १—२, काशी, १६८६, pp. 222—223.

«भारत के भिन्न भिन्न प्रांतों की एक भाषा बनाने के लिये तो यह अत्यावश्यक है कि संस्कृत शब्दों का ही अधिक मात्र में प्रयोग कर हिंदी का स्वरूप बनाया जाय। ऐसी हिंदी 'बंगाल', 'मद्रास' आदि में शीघ्र चल सकती है, क्योंकि संस्कृत भाषा से सभी प्रांतों का संबंध है, त. е. «Для построения единого языка для различных провинций Индии в высшей степени необходимо вводить в употребление санскритские слова в возможно больших размерах. Лишь таким образом построенный хинди может найти быстрое признание в Бенгалии, Мадрасе и других провинциях Индии, так как все провинции сохраняют связь с санскритом».

Что в литературных языках разных провинций имеется огромное количество заимствований из санскрита, несомненно. Рекорд в этом отношении побил бенгальский язык, где у некоторых бенгальских авторов санскритские заимствования *tatsama* составляют 80—90%.

Вместе с тем совершенно понятно, в чьих интересах рекомендуется введение санскритских заимствований «в возможно больших размерах». Построенный таким образом хинди станет легко доступным для верхушки индийской буржуазии и феодальной знати, но на ряду с этим он станет совершенно непонятным для широких масс населения: этим путем воздвигается непреодолимая преграда между разговорным языком, доступным населению, и литературным языком, обслуживающим весьма узкий круг верхушечных слоев населения Индии.

В переводе на европейские понятия это значит рекомендовать изгнание из разных европейских литературных языков их национальных элементов и замену их латинскими словами в их чистом виде с целью сделать эти языки возможно более доступными для понимания в различных странах Европы.

На первый взгляд представляется, что аргумент Махамахопадхьяя при Гиридхара Шармы Чатурведи, лишенный, правда, оригинальности, может представлять некоторые практические выгоды хотя бы для узкой верхушечной прослойки населения Индии. Однако, если мы вспомним, что санскритские заимствования в каждой провинции произносятся по-своему, в соответствии с нормами произносительной речи, то даже эти внешние выгоды для узкого круга буржуазии и феодальной верхушки оказываются мнимыми, так как пониманию будет доступна только зрительная речь, да и то в редких случаях, так как почти в каждой провинции Индии употребляется свой шрифт.

С другой стороны, как сам Махамахопадхьяя при Гиридхар Шарма Чатурведи, так и целый ряд других ученых, которые разделяют его мнение, забывают о существовании готового разговорного языка хиндустанн,

доступного широчайшим массам населения северной Индии и Декана. Этот язык для своего распространения вовсе не нуждался во введении огромного количества заимствований из языков феодальной Индии (санскрита и персидского языка). Впитав в себя огромное количество элементов народного языка и произведя заимствования разнообразнейших лексических элементов из самых разнообразных языков, этот язык уже реально сделался межнациональным языком.

Нельзя сказать, что стремление к санскритизации, которое захватило большинство современных индийских языков, в том числе и хинди, не вызывало возражений в самой Индии. Не только в XIX в., когда шла длительная борьба за принципы развития литературного хинди, но и в настоящее время ряд ученых подвергают жестокой критике современные тенденции к санскритизации кхари боли.

Так, Рамачандра Шукла в своем очерке по истории литературы хинди говорит,¹ что деятели этого нового направления литературы хинди, воспитанные в английских колледжах и не знающие санскрита, обращаясь к хинди, «जब आपटे का अंग्रेजी संस्कृत कोश लेकर अपने विचारों का शाब्दिक अनुवाद करने बैठते थे तो हिंदी बेचारी कोसों दूर जा खड़ी होती थी», т. е.: «Когда, взяв англо-санскритский словарь Аптэ, садились, чтобы дать буквальный перевод своим мыслям, то несчастный хинди убегал за тридевять земель».

Рам Дас Гаур указывает,² что, благодаря пренебрежению к народному словарю, кхари боли утратил свою творческую силу, и видит причину этого в том, что деятели литературы хинди в огромных размерах вводят санскритские элементы, заменяя ими даже самые обыкновенные слова повседневного употребления, вместо मिला в санскритизованном хинди является प्राप्त हुआ, вместо पाया — प्राप्त किया, и т. д.

До каких размеров может дойти санскритизация хинди, видно из следующего короткого отрывка из Vidyogī: ³

जब मैं अति विशद निर्जन अरण्य में कलख-कल-कलित सुललित भरनों का सुगति-विन्यास देखता हूँ मंद स्रोतस्वती-सरित-तट-तरु-शाखा-विक्रित-कलकंठी-कोकिल-कुङ्कु-ध्वनि सुनता हूँ, प्रभात-आसरण-भलकित-द्वरित-तपाच्छा-दित-प्रकृति

¹ रामचंद्र शुक्ल. हिंदी साहित्य का विकास, p. 236.

² श्री रामदास गौड़. श्रीरामचरितमानस की भूमिका. देहली और काशी, १६८२, p. 18.

³ श्रीजगन्नाथ प्रसाद शर्मा. हिंदी की गद्य शैली का विकास. न° प्र० प०, नवीन संस्करण भाग ११, अंक ३, काशी, १६८७, pp. 334—335.

परिष्कृत - बद्ध - वनस्पति - सुगंधित सुखद - भूमि पर लेयता हूँ, तथा नाना - विद्वेग - पूर्ण - सुफलित -
वृत्तावृत - गिरि - सुवर्णशृंग - शुभ - स्फटिकोपम - शिलासन पर बैठकर प्रकृति - हृद्य - दर्शनोन्मत्त -
अर्थोन्मीलित - साश्रु - नयन - द्वारा अस्तप्राय तप्त - कांचन - वर्णा रवि - मंडल - भवकमनीय - कांति को
ओर निहारता हूँ, तब स्वभाव - सुंदर लज्जावनत अप्रकट - सुमन - सौरभ - रसिक - पवन आकर,
त्रवण - पुट - द्वारा तेरा विरहोत्कंठित प्रिय संदेश सना ज्ञाता है।

В представленном довольно значительном отрывке, который, по мнению его автора, написан на хинди, имеется, кроме союзов (जब, तब) и послелогов, только восемь слов кхари боли, т. е. слов, принадлежащих словарю разговорного языка; остальные девяносто слов взяты из санскрита! Таким образом слова кхари боли составляют 8%, а 90% составляют санскритские слова. Значение этих санскритских заимствований определяется не только голым процентом: санскритские лексические элементы выступают в виде композит, в состав которых входит по 9, 10, 11 и даже 12 компонентов, меж тем как для хинди приемлемы только композиты, заключающие не больше двух элементов. Таким образом вместо хинди автор пишет на плохом искусственном санскрите, и путем замены нескольких слов хинди санскритскими словами приведенный отрывок обращается в образец искусственного санскрита, которым брахманство пользовалось в течение нескольких столетий до введения в литературу прозаического хинди.

В последние десятилетия современный литературный хинди проникает также и в поэзию. Некоторые авторы литературы хинди пользуются в стихах санскритской лексикой и санскритскими композитами в таких размерах, что их стихи на хинди безо всякого труда можно обратить в санскритские стихи. Так, у пандита Ayodhyāsingh'a jī Uṛādhyāu мы читаем стихи вроде:

रूपोदान प्रफुल - प्राय कलिका रक्तेडु - विबानना।
तत्तंगी कलदासिनी मुरसिका क्रीडा कला पुत्तली॥
शोभा - वारिधि की अमूल्य मणि सी लावण्य - लीलामयी।
श्रीराधा मृडभाषिणी मृगदगी माधुर्य - सन्मूर्ति थी¹

Приведенные стихи невозможно считать написанными на хинди, хотя автор и считает их таковыми. Почти вся поэма, откуда взят приведенный отрывок, фактически написана на санскрите со включением в санскритские

¹ रामचंद्र शुक्ल. हिंदी साहित्य का विकास, р. 262.

стихи немногих морфологических и весьма редко лексических элементов хинди.

Мы видим, таким образом, что как в области прозы, так и в области поэзии на наших глазах происходит санскритизация литературного хинди, которая достигает таких размеров, что практически приводит к реставрации санскрита.

Мы знаем, что такой путь реставрации санскрита не нов: он в значительной мере совпадает с тем путем, который проделали среднеиндийские языки, пракриты, которые после почти тысячелетнего употребления в литературе были вытеснены санскритом именно путем все большей и большей санскритизации их, что прекрасно показал в своем классическом исследовании О. Франке.¹

Аналогичным образом и новоиндийские языки, в частности хинди, после почти тысячелетнего употребления в литературе санскритизуются пандитами, которые таким путем стараются сохранить употребление санскрита в литературе.

Однако в XX в. состояние Индии радикально отлично от того, в каком она была в первые века нашей эры, и потому очень трудно думать, чтобы санскритизация современных литературных языков, в частности санскритизация хинди, имела такие же последствия, какие она имела для развития среднеиндийских языков.

Возвращаясь к роли Лаллу джи Лала в истории литературного хинди, мы можем сказать следующее.

1. Перейдя на новый для литературной традиции хинди диалект, Лаллу джи Лал продолжал демократические тенденции, которые были свойственны литературе хинди с древнейших времен. Он в обширных размерах пользуется лексическими элементами, составляющими органическую принадлежность кхари боли, и при введении санскритских элементов tatsama он дает их в фонетической орфографии, отличной от исторической, применяемой в настоящее время.

2. В настоящее время в весьма значительных кругах литераторов, в особенности пользующихся публицистическим и научным стилем, весьма сильное выражение получила тенденция к санскритизации хинди.

3. В этом новом аспекте Лаллу джи Лал не является родоначальником современного литературного хинди, поскольку он стоит на позициях, радикально отличных от позиций ведущей группы современных авторов хинди.

¹ R. O. Franke. *Pali und Sanskrit, Strassburg, 1902.*

4. Усиление господствующих тенденций грозит для хинди вытеснением его и реставрацией санскрита.

5. Лаллу джи Лал является основоположником хинди, свободного от излишней санскритизации и приближающегося по своей лексике к хиндустани, т. е. к разговорному языку.

6. По мере преодоления феодальных пережитков направление развития литературного хинди, начатое Лаллу джи Лалом, имеет все основания для дальнейшего развития, так как введение санскритских элементов в хинди в размерах, наблюдающихся у некоторых авторов современной литературы, делается в угоду интересам тонкой феодальной прослойки и верхушечной группы буржуазии.
